

Андрей
Курков

НОЧНОЙ
МОЛОЧНИК

CF FOLIO

Андрей Курков

Ночной молочник

«Фолио»

2007

Курков А. Ю.

Ночной молочник / А. Ю. Курков — «Фолио», 2007

...От чего зависит будущее страны? Вы, наверное, думаете, что от валютно-золотых резервов? Может быть. Но у автора есть и другая версия. Одна из героинь его романа каждое утро ездит из пригорода в Киев, чтобы за деньги сдать грудное молоко. Один аптекарь за свои фармацевтические эксперименты расплачивается жизнью. Один политик строит у себя на даче церковь, чтобы уединяться в ней с Богом и с бутылкой "Хэннесси". И от всех троих зависит будущее Украины. Только вот неизвестно: всем ли понравится такое будущее?..

© Курков А. Ю., 2007

© Фолио, 2007

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	10
5	12
6	14
7	18
8	20
9	23
10	25
11	28
12	30
13	32
14	36
15	38
16	39
17	41
18	43
19	45
20	49
21	53
22	55
23	57
24	59
25	62
26	64
27	69
28	72
29	75
30	77
31	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Андрей Курков

Ночной молочник

1

Киевская область. Макаровский район. Село Липовка

На зимнем небе скучал обделенный вниманием людей Млечный Путь. Ночь была удивительно тиха, ни одна собака не гавкнула, словно всех их приспало низкое звездное небо. Только Ирина всю ночь не спала, слушала свою заболевшую с вечера грудь. Лежала тихонько и слушала свою боль, но никого беспокоить не хотела и с кровати не поднималась, чтобы та своим скрипом Ясю не пробудила. А поднялась, как обычно, в начале пятого утра. Вскипятила воду в чайнике. Размешала в литровой банке молочную смесь «Малыш» и оставила ее на горячей крышке негромко гудевшего старенького котла в маленькой бойлерной комнатке, с потолка которой доносился сладкий запах уже высохших детских одежек и марлечек, вывешенных туда для просушки прошлым вечером.

Перед тем как выйти из дома, Ира поцеловала свою трехмесячную дочурку, сладко спавшую в углу их уютной спальни, прямо под иконкой Николая Угодника. Потом зашла к матери, прошептала ей: «Я пойду уже!», на что мать кивнула, потом протянула руку к тумбочке, на которой стояла настольная лампа.

Выйдя со двора, Ирина оглянулась на свой родной дом – аккуратный, кирпичный, одноэтажный, построенный собственноручно недавно умершим от болезни печени отцом. В одном из четырех фасадных окошек загорелся неяркий свет. Ирина мама, крихтя и бормоча что-то себе под нос, заглядывала под железную кровать в поисках своих стоптанных тапочек. Панцирная сетка потрескивала, но ничего этого Ирине уже не было ни слышно, ни видно.

Поначалу они топили дом дровами, и ей, маленькой, страшно нравилось наблюдать за седым дымком, уходящим в вечернее небо. Но когда поставили котел, отец разобрал печку. В доме стало просторнее, но труба на крыше замолчала. Вот и сейчас, темным зимним утром, домику так не доставало этого дымка, уходящего в небо!

Снег скрипел под ногами. Ирина спешила к дороге, чтобы не опоздать на первую «киевскую» маршрутку, в которой все друг друга знают, и все знают водителя Васю, и все знают, что от него ушла жена. Ушла к их соседу-сварщику, который баптист и вообще не пьет.

Теплые желтые круги фар маршрутки показались на дороге, как только Ира остановилась. Маршрутка притормозила. Для этого Ире даже руку не пришлось поднимать.

А внутри было тепло и тихо. Охранник какой-то киевской стройки Петр Сергеевич просто спал, уронив голову на плечо. Остальные сидели в полудреме. Ира кивнула попутчикам, тем из них, кто поднял на нее все еще сонный взгляд, и присела у двери. Грудь по-прежнему болела, но Ира старалась не обращать на нее никакого внимания.

Через часик маршрутка высадит их всех возле метро «Житомирская», и она будет дожидаться первого поезда, чтобы ехать дальше, туда, где ее ждут и где ей платят.

2

Киев. Зимняя ночь

Есть истории, которые начинаются однажды и никогда не заканчиваются. Просто не могут закончиться. Потому, что своим началом они порождают десятки отдельных историй, и у каждой – свое продолжение. Это как удар камешка по лобовому стеклу автомобиля, от которого во все стороны трещинки, и от каждого ухаба на дороге то одна трещинка удлинится, то другая. Вот и эта история началась зимней ночью и продолжается по сей день. Но сейчас нам известно только ее начало. Дело было ночью, в Киеве, на углу Стрелецкой и Ярославова Вала, совсем рядом с отелем «Рэддиссон», на том самом углу, где кто-то неизвестный до сих пор оставляет на ночь свой розовый «хаммер». Собственно, все и началось в узеньком проходе между припаркованным частично на тротуаре «хаммером» и стенкой углового кафе, открывшегося не так давно, может, с год назад.

По Ярославову Валу со стороны Золотых ворот к этому углу шел в странном состоянии аптекарь и заядлый грибник Эдуард Иванович Зарвазин. Он был одет по-осеннему, в длинный плащ и шляпу, а на его ногах поблескивали в свете ночных фонарей лакированные ботинки. Да! Дело было ночью и к тому же не осенью, а довольно глубокой зимой, в середине января. И в том же свете тех же ночных фонарей блесло все, но прежде всего снег и лед. Зарвазин шел неспешно, словно и не было у него никакой особенной цели, кроме как прогуляться спокойной зимней киевской ночью по безлюдным, радующим глаз своей неподвижностью улицам центра.

А в это время по Стрелецкой улице в сторону Ярославова Вала довольно спешной, нервной походкой приближалась молодая тридцатилетняя женщина, о которой к моменту происшествия ничего известно не было. Она была в длинной, но легкой лисьей шубке, купленной ей уже забытым к сегодняшнему дню ухажером два года назад в магазине «Империя меха» на Подоле. Но вот меховой шапочкой она похвастать не могла. Прежний ухажер на шапочку поспешил, а два последующие кавалера пришли и ушли, так и не оставив о себе ни теплой памяти, ни теплых подарков, способных согреть зимой одинокую женскую душу. Ее волосы, подкрашенные в цвет, близкий к рыжему или, как сами рыжеволосые предпочитают говорить, – к золотому, привлекали внимание даже ночью. Тонкий ее носик был красноват из-за легкого мороза или такого же легкого насморка. Но мы оставим здесь как причину покраснения морозец. У красивых дам не бывает насморка. Как минимум на улице и ночью.

Она остановилась на мгновение у норвежского посольства, пытаясь прочесть вывеску с указанием времени приема документов на визы. Впрочем, ей не нужна была норвежская виза. Она была из тех мечтательных особ, которые любят читать названия улиц, магазинов, кафе и ресторанов, но никак не аббревиатуры различных государственных и негосударственных учреждений.

Когда она утратила свой интерес к выдаче норвежских виз и продолжила свой путь, улицу Стрелецкую со стороны гостиницы «Рэддиссон» стал переходить моложавый и физически крепкий мужчина лет сорока. На нем была темно-синяя куртка «Коламбия», способная предохранять владельца от пятидесятиградусных морозов, джинсы и кроссовки-ботинки, делавшие его походку пружинящей и спортивной. Его взгляд фиксировал зимнюю улицу с безразличием вебкамеры. Даже шедший ему навстречу человек в шляпе и в пальто не вызывал у него никакого интереса. Но когда из-за розового «хаммера», припаркованного на самом углу улицы, вышла женщина с золотыми волосами, мужчина в шляпе остановился, и в его руках блеснула сталь.

Моложавый в куртке в два прыжка долетел до мужчины в плаще и шляпе. Женщина отбежала назад и, прижавшись спиной к стенке кафе, с открытым ртом наблюдала за происходящим. А происходящее? Происходящее почти мгновенно стало произошедшим. Между «хам-

мером» и стенкой углового кафе остался лежать аптекарь и заядлый грибник Эдуард Иванович Зарвазин. Рядом с ним на искрящемся от фонарного света снегу лежал маленький перочинный ножик с мокрым потемневшим лезвием. А мужчина в куртке бежал вниз, по улице Ивана Франко. Бежал и тащил за собой женщину. Он крепко сжимал ее ладонь в своей, то и дело оглядывался и торопил ее взглядом и движением губ, которые шевелились в ритме слова «давай!» Высокие каблуки итальянских сапожек мешали ей бежать. Расстегнувшаяся шуба развевалась, как флаг неведомой зимней страны, а в ее глазах застыло, как замерзло, удивление.

3

Аэропорт «Борисполь». Утро

Мир не без бодрых людей. Вот и таможенный кинолог Дима Коваленко, обходя со своей овчаркой Шамилем ряды зарегистрированного багажа, мурлыкал себе под нос совершенно неподходящую для этого времени суток песню двух телевизионных школьниц «Нас не догонишь!». Шамиль принюхивался к чемоданам и портпледам с четырех утра. В начале смены его глаза блестели, сверкали, горели надеждой найти хоть какой-нибудь, пусть даже самый захудалый и почти не вставляющий наркотик. Но за три часа работы эта надежда улетучивалась, и приходилось просто ожидать окончания собачьей смены, чтобы получить в награду лакомство с тем самым запахом. С запахом, который всегда возбуждал Шамиля и заставлял его весело и задорно лаять, не обращая внимания на предупреждающее цыканье хозяина, для которого было достаточно и того, что овчарка просто останавливалась перед весело пахнущим чемоданом и оборачивалась, давая хозяину знак.

Диме в прошлую ночь вообще выспаться не удалось. На работу пришлось идти прямо из-за праздничного стола. Младшей сестре Надьке исполнилось двадцать пять лет, вот и гуляли от души. Гостей было человек двадцать, но все свои, родные. Устав есть и пить, развлекались караоке. Оттуда и привязалась к нему эта песенка о том, что их не догонишь! «Да кому они на фиг нужны?!» – весело задумывался о двух певичках Дима.

А Шамиль мокрым носом вытягивал из воздуха запахи, и вдруг один новый, необычный, но тоже веселый запах привлек внимание овчарки.

Шамиль уставился на черный пластиковый чемодан на колесиках. Странно, но этот запах, в отличие от обычных веселых, был каким-то еще и задумчивым, тормозящим. И Шамиль не залаял бодро и зажигательно, как обычно в таких случаях, а озадаченно обернулся на хозяина, тоже остановившегося, но смотревшего куда-то в сторону, туда, где стояли у открытых ворот два грузчика Боря и Женя в теплых зеленых комбинезонах. Стояли, курили и о чем-то мирно беседовали.

Боря, носивший пышные усы, опускавшиеся до нижней линии подбородка, бросил взгляд на застывшего на месте кинолога, на его собаку. И замолчал, наблюдая. Второй, Женя, тоже обернулся.

– О! Вынюхала что-то! – сказал Женя.

– Опять добро даром пропадет! – кивнул на это Борис и вздохнул.

Они бросили окурки под ноги, затоптали их носками тяжелых черных ботинок, согласно правилам противопожарной безопасности, и направились к Диме.

– Ну че? – спросил у кинолога усатый Боря, глядя на пластиковый чемодан. – Опять дашь добру пропадать?!

Оба уставились вопросительно прямо в глаза Диме. Оба были людьми основательными, за пятьдесят. Приезжали на работу на ухоженных перегнанных из Германии иномарках, на работе не пили.

– А что делать?! – пожал плечами Дима.

– Собака не расскажет, а мы поможем этому чемоданчику покинуть охраняемую территорию, – сказал один.

– И хозяин чемоданчика в тюрьму не сядет, – добавил второй. – Тоже доброе дело!

Дима задумался. А думать ему после бессонной ночи было тяжело. И песня про то, что «их не догонишь», продолжала напрашиваться на язык.

– Ну? – потребовал от него ясности усатый.

Дима кивнул.

Грузчик Боря вытащил из кармана комбинезона мелок и нарисовал им на чемодане галочку.

– Дальше пошли! – скомандовал Дима Шамилю. – Дальше нюхай, слышишь?!

Но Шамиль не понимал, почему хозяин не вытаскивает чемодан. Обычно хозяин в таких случаях доставал из нагрудного кармана рацию и говорил в нее слова, не входящие в разряд собачьих команд, а потому Шамилю не понятные. Но то, что он говорил, тоже было командой, потому что буквально через несколько минут к ним подбегали несколько человек, один из которых сканером считывал штрих-код багажной бирки, а другие живо поднимали чемоданчик и уносили его.

– Ты что, не понял?! – кричал Дима на Шамиля.

И Шамиль понял. Понял, что надо двигать носом дальше, вдоль следующих багажных мест. Он понюхал пару сумок, коричневый чемодан, баул, завернутый в полиэтилен. Учужал запах неплохой сухой колбасы, табака, сала. Из пасти свесилась и достала до пола слюна голода. Остановился. Оглянулся на хозяина.

«Опять? – испугался Дима и тоже оглянулся, посмотрел на грузчиков, шедших к багажной тележке, оставленной возле открытых ворот. – Да ну его! Не будет сегодня наркотиков! Я сказал!!!»

Подуманные слова так громко прозвенели в голове у Димы, что он снова оглянулся. Боясь, а не услышал ли их случайно кто-нибудь. Но рядом никого, кроме Шамиля, не было.

– Лежать! – скомандовал ему Дима.

Достал сигарету и тоже отправился к открытым воротам покурить.

Навстречу неторопливо шагали грузчики. Женя толкал впереди себя багажную тележку.

4

Киевская область. Макаровский район. Село Липовка

За окошком всю ночь завывала метель. Завывала так сладко и одновременно сказочно-зловеще, что Ирине снились сны в стиле «экшн»: то она убегала от кого-то по зимнему ночному лесу, то гналась за кем-то, то несла куда-то сквозь пургу свою трехмесячную дочурку, укутанную в одеяльце и плед, прижимая ее к груди. Так всю ночь и пробегала по заснеженным снам, а проснулась мгновенно, как только будильник запищал. Она специально старый будильник, который громко звенел, отдала матери, а себе купила электронный с писком. Писк будит мягче, не «по-армейски». Тем более, это было важно еще и потому, что когда человек просыпается мягко, то не делает никаких резких движений. А у Ирины всякое резкое движение отзывалось болью в груди.

К началу пятого утра метель за окном успокоилась. Заварила себе Ирина чаю с листьями смородины, намешала в литровой банке молочной смеси для дочурки и поставила банку на теплый котел в бойлерной. А сама стала на работу собираться.

Перед уходом зашла в спальню к маме, поцеловала ее, уже проснувшуюся, в щеку.

– Если будет свежий «Украинский», привези! – попросила мама.

Ирина кивнула. Завязала на голове серый пуховый платок, который больше бы подошел пожилой женщине, а не молодой маме, но зато был теплым и нежным. Застегнула молнию на длинной куртке и вышла в темное зимнее утро, а точнее в «пограничное» время суток, когда ночь – уже не ночь, а утро – еще не утро.

Остановилась на краю дороги. Ожидала сразу увидеть приближающиеся круги желтых фар маршрутки, но дорога была пустынна и сливалась с глубокой молочной серостью, прикрывавшей и ближайшие деревья, и столбы, и забор сельского кладбища.

Пять минут не сводила Ирина глаз с дороги. Мороз щипал ее за нос и за щеки. Все вокруг, включая и дорогу, отличалось неподвижностью.

Ира занервничала. Опаздывать было никак нельзя. Начальница строгая. Скажет: «Больше не приходи!» И что тогда?! Где деньги брат?

Два оранжевых огонька фар отвлекли ее от беспокойных мыслей. Она сделала шаг вперед, вышла на дорогу, всматриваясь. Фары были другие, незнакомые.

«Другая маршрутка?» – подумала она и на всякий случай подняла руку.

Рядом притормозила не маршрутка, а красная иномарка, за рулем которой сидел мужчина в коричневой замшевой куртке с меховым воротником. Он перегнулся, открыл дверцу.

– Куда вам, девушка?

– А вы на Киев?

– Садитесь!

В машине было тепло. Даже жарко. Ирина сняла серый пуховый платок.

– Он вам не идет, – покачал головой мужчина. – Так вы намного красивее!

– Красота отвлекает, – ответила на это Ирина.

Он бросил на пассажирку удивленный взгляд.

– Кого?

– Например вас от дороги! А это опасно... А меня от...

Водитель рассмеялся.

– А вас ваша красота тоже отвлекает?!

– Да что вы меня смешите! – возмутилась она совершенно серьезным голосом. – Какая я красивая? У меня дочке три месяца. Я должна о ней думать...

– Извините, – мужчина убрал улыбку с лица, только в его глазах остались веселые огоньки.

Ирина вдруг увидела впереди у обочины знакомый микроавтобус. Рядом – несколько давних знакомых попутчиков и водителя, сидящего на четвереньках около переднего колеса.

– О! Это моя маршрутка! – воскликнула Ирина. – Остановите!

– Так она поломана! – удивился водитель. – Вам же в Киев! Вы тут замерзнете на обочине, пока ваш «бусик» починят!

– Остановите! Это моя маршрутка! – упрямо повторила Ирина.

Мужчина пожал плечами, остановил машину.

Ирина, забыв даже поблагодарить его, побежала к водителю маршрутки.

– Вы почему меня не забрали?! – громко спросила она обиженным голосом.

Водитель поднял на нее глаза.

– График на пять минут сдвинули. Теперь я раньше выезжаю...

– А если б меня не подобрали на машине?!

– Послушайте, – раздраженно фыркнул водитель. – Мне сказали – на пять минут раньше выехать, я и выехал! Вон, – он кивнул на остальных пассажиров, – они же все сели! Потому, что на пятнадцать минут раньше к дороге выходят. А вы спите долго, вот и не сели! Не мешайте!

Ирина смотрела на водителя и не могла поверить в его бездушие и безразличие. Не могла поверить, что человек, о котором она знает так много ненужных ей фактов его личной жизни, может так отнестись к ней, к своей постоянной пассажирке.

А водитель, вздохнув, поднялся с корточек.

Сказал садиться. И все молча заняли свои места. И Ирина села на свое место у двери. Маршрутка тронулась, и всё как бы исправилось само собой. День начинался в привычном ритме среди привычных заспанных лиц.

Зато не пришлось долго ждать первого поезда метро. Его вообще не пришлось ждать. Он подъехал к платформе станции, как только туда же вышла Ирина.

Доехав до «Арсенальной», она покинула полупустой вагон. Поправила платок и оглянулась. И заметила, что она совершенно одна на длинной платформе. Поднималась на эскалаторе, и на первом, и на втором. И тоже одна-одинешенька. И вниз, ей навстречу, никто не спускался. Станным ей это показалось. Хотя ведь каждый день так – просто станция такая мертвая. Сюда почему-то люди позже приезжают, это она одна такая ранняя.

А грудь болела, давила. Эскалатор полз вверх медленно. Ему было некуда спешить.

Ирина вспомнила водителя, подобравшего ее на дороге. Вспомнила и усмехнулась. Смешной он какой-то! Но о платке он, конечно, правду сказал! Надо будет его перекрасить. Только бы узнать, чем и как!

5

Киев. Улица Рейтарская. Квартира номер 10

– Ты где был? Где ты был, я тебя спрашиваю? – отбойным молотком стучал в уши дребезжащий голос жены.

Семен открыл глаза. В голове шумело. Икры на ногах болели, словно после непривычно долгой тренировки.

– Ты меня слышишь? – повторяла Вероника.

Сеня поднял голову, посмотрел в глаза жены, стоявшей в махровом халате, небрежно затянутом пояском.

– Да нигде я не был, – отмахнулся он. – Чего ты пристала?!

– Я пристала?! – возмутилась супруга. – В час ночи пошел куда-то, в четыре вернулся и, не раздеваясь, заснул прямо тут в кресле?! Нигде не был?! А что у тебя на рукаве?

Сеня опустил голову, посмотрел на рукава своей джинсовой рубашки. На правом манжете действительно была какая-то грязь, пятно. Под ногами лежала куртка «Коламбия», купленная для несостоявшейся поездки на Аляску, куда его обещала взять знакомая компания богачей-путешественников в качестве массажиста и просто хорошего и физически крепкого парня с опытом работы телохранителем. Сказали тогда: «Найди себе экипировку для минус пятидесяти!» Он нашел, но экспедицию перенесли на неопределенное будущее. Зато куртка осталась. И теперь почему-то лежала на полу...

Семен осмотрелся по сторонам. Почувствовал дискомфорт в ногах. Наклонился. Стащил с ног кроссовки-ботинки.

– Так ты мне ответишь? – опять назойливо прозвенело над головой.

– Тебе?! – он поднял взгляд на супругу, и она отшатнулась, заметив, что взгляд ее мужа был каким-то мутным и не предвещающим ничего хорошего. – Я? Тебе? – повторил он.

Жена заплакала.

– Все, я ухожу! Я устала от твоей лжи! Ты уже не в первый раз! Я помню! Просыпаюсь ночью – а тебя нет! А утром как ни в чем не бывало! Я больше так не могу!

Причитая, она вышла в коридор и остановилась перед входной дверью. Потом решительно открыла бронированную дверь и с силой за собой захлопнула ее. Грохот прокатился по всей лестнице.

Когда грохот стих, снизу донеслись шаги. Вероника поправила махровый халат и позвонила в свою дверь. Муж не спешил пускать ее в квартиру, а вверх поднимался сосед Игорь.

– Что, захлопнулась? – участливо поинтересовался он.

– Да нет, мусор выносила. Сейчас Сеня откроет! – сказала она и снова нажала на кнопку звонка.

Сосед как назло стоял и тоже ждал, словно проверял: а вдруг понадобится его помощь. Когда Вероника снова нажала кнопку звонка, Игорь стукнул тыльной стороной ладони по двери. Грохот снова наполнил парадное.

– Вы идите! – попросила соседа Вероника. – Он, наверно, в туалете...

Игорь кивнул, шагнул к своим дверям – как раз напротив. Остановился. Еще разок оглянулся.

– Сегодня ночью аптекаря убили, тут рядом, – сказал он. – Хороший мужик был. Грибник что надо! Знакомых собственными лекарствами лечил, лучше любого Кашпировского!

За спиной Вероники звякнул ключ, и она спиной ощутила движение воздуха, потревоженного открывшейся и закрывшейся дверью.

Через минуту и ее дверь открылась.

– Ты то уходишь, то приходишь, – Семен смотрел на жену и губами выражал недоумение. Взгляд его по-прежнему был мутным. – О! Ты была у парикмахера?!

– Пропусти меня! – Вероника оттолкнула его в сторону и забежала в спальню.

Остановилась перед зеркалом и с горечью во взгляде осмотрела свою вчера сделанную прическу, которую муж только сейчас и заметил.

«Если бы еще короче взять, получилась бы «брюнетка-гаврош», – подумала Вероника. – Ну и хорошо! Мне еще слишком рано себя короткой стрижкой омолаживать!»

6

Город Борисполь. Улица 9 Мая

– Мурик! Мурик! – долетел до пытавшегося заснуть после смены Димы голос Вали, его жены. – Мурик! Где ты?

В это же время со двора донеслось знакомое неприятное рычание соседского бультерьера по кличке Кинг. Собака была такая же паскудная, как и ее хозяин. Иногда хозяин, вместо того чтобы выводить ее, просто выпихивал во двор, и она через мгновение оказывалась во дворе Димы и Вали, где справляла свои нужды, гоняла кота Мурика, если он оказывался рядом, а потом возвращалась на свою территорию.

Дима оторвал голову от подушки, окинул уставшим взглядом комнату, в которой из-за плотно занавешенных двух окошек было сумрачно.

– Черт бы ее побрал, эту собаку! – прошептал Дима. Присмотрелся к открытой телевизионной тумбе с тремя полками для всяких видео– и других принадлежностей, которых пока что в их семье не было. Именно там, под телевизором, на верхней полке, любил отдыхать их серый кот, которого Валя называла Муриком, а он, Дима, звал Мурлом. Котик, весу в котором было не меньше десяти кило, отзывался на обе клички и жрал все, что ему клали в миску.

– Мурло! Кс-ксс! – зашептал Дима, заметив кота на его любимом месте.

Кот подбежал к хозяину, наклонил мордочку, думая, что его будут сейчас чесать за ухом.

– Валя! – крикнул Дима. – Здесь он! Забери его!

Дверь в комнату открылась. Зашла Валя. На ногах пушистые тапочки, поверх фланелевого сиреневого халата завязан передник.

– Мурик, где ты тут?!

В воздухе запахло разделанной свежей рыбой. Кот понесся как угорелый на кухню. Дверь закрылась. Дима снова приготовился засыпать, пытаясь игнорировать запах разделанной рыбы. Но и запах был силен, и какой-то шум то и дело доносился с улицы – их дом стоял как раз рядом с дорогой, по которой вывозили с ближайшего завода длинномерные железобетонные конструкции.

«Может, снотворные сто грамм принять?» – подумал Дима и посмотрел на сервант, за стеклянной дверцей которого стояла дежурная поллитровка на случай прихода незваных гостей. Для званных в том же серванте, но внизу, на нижней полке, хранилось несколько бутылок самогона, настоящего на листьях молодой крапивы. Дима любил настаивать водку на травах и на ягодах. И пить приятнее, и для организма полезнее.

Он нехотя поднялся с дивана, налил себе стопочку самогонки на крапиве. Выпил залпом. Тут и запах рыбный оказался кстати: не закусил, так занюхал!

Снова прилег и тут же заснул, словно уставшее тело только и ждало самогонной снотворной подачи.

Кот, обожравшись рыбьими потрохами, ткнулся было обратно в комнату, где спал хозяин и где было тепло и душно. Но запертая дверь остановила его. Пришлось ему остаться на кухне и наблюдать из-под ребристой чугунной батареи за своей хозяйкой. Она, засунув рыбу в духовку, взялась за свиные копытца. На конфорке плиты стояла большущая кастрюля. «Холодец будет!» – понял серый кот.

А в дверь постучал кто-то с улицы, и хозяйка, оставив острый нож на разделочной доске, вышла в коридор.

– С аэропорта мы, – пояснил ей один из стоявших на пороге мужиков. – Дима нужен...

– Так он спит после смены, – попробовала отстоять отдых своего мужа Валя.

– Оно важно очень, – настойчиво сказал второй мужик. – Мы его на пять минут. Только один вопрос обсудить, и все!

В дом их Валя не пустила. Оставила стоять на пороге. А сама зашла в комнату, растормошила мужа.

– К тебе с работы пришли, из аэропорта. Там, на пороге. Выйдешь?

Дима вздохнул тяжело, сбросил ноги с дивана. – Кто это? – спросил жену, прекрасно понимая, что никого она из тех, кто рядом с ним работает, знать не может. Во-первых, потому, что ни с кем с работы он не дружил. А во-вторых, потому, что сама Валя ни разу в своей жизни ни в аэропорту «Борисполь», ни в каком другом аэропорту не бывала.

Выйдя на порог дома, он сонным взглядом уставился на визитеров и тут же узнал их – грузчики Борис и Женя из багажного отделения. Те самые, которые уломали его «не заметить» черный пластиковый чемодан, вызвавший интерес у его овчарки Шамиля.

– Мы привезли! – Борис кивнул головой в сторону стоящего за забором коричневого «фольксвагена-пассата».

– Посмотрели бы сами, – устало выдохнул Дима.

– Нет, – Борис отрицательно мотнул головой. – Мы без тебя открывать не будем. Все должно быть по-честному. Вместе открыли, вместе поделили и забыли обо всем. Понятно?

Дима кивнул.

– Давай в твоём гараже, – предложил Женя.

Дима зевнул, вернулся в коридор за ключом от гаража. Снова вышел на порог.

Мужики уже были за забором.

Чемодан они занесли в гараж вдвоем.

– Сюда, тут переноска есть! – крикнул им Дима, остановившись между задней стенкой и своей старенькой БМВ.

Включил лампу.

Грузчики опустили чемодан на бетонный пол аккуратно. На ручке чемодана все еще болталась багажная бирка с кодом аэропорта назначения – Вена.

– Гвоздодер есть? – поинтересовался у хозяина усатый Борис.

– Сейчас поглядим! – Дима отошел в угол, где стоял деревянный ящик-сундучок с инструментами.

Достал стамеску и молоток.

– Жалко ломать, – вздохнул, опускаясь на корточки.

– Не жалей. Летать с ним все равно нельзя – запах останется, и всякая собака возле него залает!

Дима подставил стамеску острием к кодовому замку. Ударил по ней молотком, и замок треснул пополам.

Борис и Женя усмехнулись в предвкушении раскрытия тайны.

Дима поднял крышку чемодана. Ему в нос сразу ударил отдаленно знакомый сладковатый запах.

Сверху лежала картонка, под ней – гофрированная упаковочная бумага, а дальше – плотно уложенные одинаковые коробочки, каждая размером с пачку сигарет. Одна из коробочек показалась Диме подмоченной. Он вытащил ее и раскрыл. Осторожно вытянул из нее пальцами разбитую ампулу. Опустил ее себе под ноги и тут же вытащил из коробочки целую, наполненную мутноватой жидкостью. Протянул ее Борису.

Тот поднес ампулу к лампе-переноске, посмотрел на просвет.

– Без надписи! – удивился он вслух и передал своему товарищу.

Женя тоже покрутил ампулу в руках, пожал плечами и вернул Борису.

– У тебя знакомый врач есть? – спросил Борис у Димы.

Дима задумался. Фельдшер среди его знакомых имелся, и ветеринар имелся, который пару раз их кота лечил. Но ветеринар был скорее приятелем Вали, чем его, Димы.

– Нет, нормального врача нет, – ответил он.

Боря осторожно отломал кончик ампулы и поднес ее к носу. Принюхался.

– Валерьянкой пахнет, – сказал он.

– Сейчас проверим! – Дима сходил в дом и вернулся в гараж с котом Муриком в руках. Опустил его на пол возле чемодана, поставил перед Муриком тарелку с окаменевшим кусочком сала. Сало щелчком пальца отправил в ближний угол гаража, а на его место вытряхнул содержимое ампулы.

Боря вскрыл еще одну ампулу, и количество мутной жидкости в тарелке удвоилось. Все с ожиданием уставились на кота.

Мурик огляделся по сторонам, наклонился над тарелкой и лизнул мутной жидкости.

Мужчины внимательно следили за котом. Кот вдруг резко присел на попу и застыл в этой странной не кошачьей позе, словно дрессированная собака, услышавшая команду «Сидеть!». Через минуту передние лапы тоже согнулись, и он лег.

– Неужели валерьянка?! – с ноткой разочарования в голосе произнес Боря.

Мурик внезапно поднялся и направился неспешно к выходу. Мужики проводили его взглядом.

– Надо найти специалиста, – проговорил Боря.

Он хотел что-то еще добавить, но в это время с улицы донесся чей-то крик, механический грохот и кошачий визг.

Дима бросился к выходу. Двое грузчиков – за ним следом.

Увиденная всеми тремя картина заставила их на мгновение неподвижно застыть.

Прямо перед гаражом валялся велосипед. Метрах в двух от него, рядом с «пассатом» Бориса, лицом вниз неподвижно лежал мужчина в шерстяном спортивном костюме и в лыжной шапочке на окровавленной голове. А кот Мурик, странно волоча задние лапы, пытался заползти в сад через узкую щель между забором и землей.

– Быстро этого в гараж! – скомандовал Борис.

Велосипедиста опустили на пол около раскрытого чемодана. Потом занесли в гараж и велосипед, чудом не пострадавший во время происшествия.

– Живой? – спросил Дима Борю, склонившегося над человеком в спортивном костюме. – У тебя аптечка есть?

Дима достал из машины аптечку. Перекисью смыли с лица все еще не пришедшего в себя велосипедиста кровь. Замазали ссадины зеленкой.

Боря обыскал его и вытащил из кармана спортивных штанов бумажник. В бумажнике кроме мелких купюр лежала повестка в суд. Боря внимательно изучил ее, и на его лице заиграла хитрая улыбка заговорщика. Он вернул бумажник на место, оставив повестку себе. Достал еще одну ампулу, вскрыл ее и вылил мутноватую жидкость прямо в раскрытый рот велосипедиста.

– Адресок его у нас уже есть, – ответил Боря на недоуменный взгляд Димы. – Я к нему завтра зайду, скажу, что нашел повестку на улице. Отдам повестку и посмотрю на его состояние!

Дима удивленно мотнул головой. «И какие умные люди работают обычными багажными грузчиками!» – подумал он.

Вскоре Боря и Женя загрузили уже приходившего в себя и постанывавшего мужчину в «пассат», а велосипед засунули в багажник.

– Мы его под его домом выгрузим. Тут рядом! – сказал Боря. – А ты подумай, может, про какого-нибудь знакомого врача вспомнишь?!

Дима закрыл гараж. На душе было беспокойно и безрадостно. Вспомнил про мурика и решил проверить: как он там. Подошел к забору и увидел неподвижное тело кота, лежащее на снегу. Он так и не смог пролезть в щель под забором.

Дима наклонился, поднял мурика на руки и увидел, что кот мертв. Уронил его на снег. Захотелось пойти и помыть руки с мылом. И тут до него дошло, чем грозит его семейной жизни

смерть мурика. Валя сойдет с ума! Она в этом сером коте души не чаяла. Она разговаривала с муриком больше и чаще, чем с ним, со своим мужем. Он ей был как сын!

Дима перепугался. Нашел в гараже мешок из-под картошки. Сунул туда сдохшего кота и пошел по улице, на ходу размышляя: куда бы эту мертвечину выбросить. Минут через пятнадцать остановился перед пепелищем старого дома, сгоревшего пару лет назад. Сюда, правда, прибегали играть мальчишки, но взрослых здесь не бывало. К тому же и колодец рядом.

Дима зашел во двор. Заглянул в колодец – не очень-то глубокий, но уже наполовину заваленный мусором. Туда же и мешок с котом бросил.

Как только вернулся домой, Валя спросила, не видел ли он мурика.

– Нет, не видел, – соврал ей Дима на ходу и закрыл за собой двери в комнату. Спать ему уже не хотелось, и он включил телевизор.

7

Киевская область. Макаровский район.

Село Липовка. Вечер

За окошком сыпал снег. Внезапные порывы ветра иногда подхватывали его и подбрасывали вверх, отчего он перелетал через крышу одноэтажного дома и падал уже с другой стороны, за окошком комнатки, в которой спала Ирина и ее трехмесячная Ярослава, которую бабушка, остававшаяся с ней на целый день, нежно звала Ясей и так же нежно уговаривала пить побольше молочной смеси «малыш», чтобы как можно скорее подрасти, сказать свое первое слово и сделать первый шаг.

– Ясенька! Ну, ще трошки! – просила младенца бабушка Шура, поднося бутылочку со смесью соской к ротуку ребенка. Но Яся упорно отталкивала бутылочку ручкой в сторону, при этом не сводя взгляда своих бусинок-глаз с телевизора, который то очередную серию «Бандитского Петербурга» показывал, то яркие помехи – это когда новый порыв ветра расшатывал антенну, высоко поднятую на деревянной палке над крышей.

– Ну? Шо я твоей маме скажу? – качала головой пожилая женщина. – Она вон в городе деньги для тебя зарабатывает, а ты?

Ветер на какое-то время стих, и на экране началась перестрелка.

Пока герои сериала стреляли друг в друга, в дверь дома позвонили. Но бабушка Шура не услышала. Только когда перестрелка закончилась, она вскочила, положила Ясю на кушетку, а сама поспешила к двери.

– О! Вернулась! – обрадовалась она, пропуская внутрь дочь.

Ира опустила на пол тяжелую хозяйственную сумку. Сняла с головы платок. Разделась.

– Иди на кухню, там пюре с курицей на плите! – по-домашнему спокойно сказала ей мама и вернулась в свою комнату, не заметив заплаканных глаз дочери.

На кухне Ира выложила из сумки продукты. Колбасу и селедку положила в холодильник, консервы – в шкафчик возле мойки. Уселась за стол, окунула лицо в ладони и заплакала тихо-тихо, почти не всхлипывая. Страшная пустота внутри у себя самой пугала ее. Или была это просто усталость, которую не мог компенсировать ни короткий сон, ни пюре с курицей на плите.

Каждое утро она с грудью, переполненной материнским молоком, спешила в Киев, где в маленьком кабинете женщина в белом халате с неподвижным лицом сцеживала все молоко из груди с помощью маленького насосика в литровую банку, а потом отправляла ее на кухню, где нянечка заведения наваливала ей полную миску овсянки и следила, чтобы Ирина съела все до последней крупинки. Иногда вместе с Ирой за столик садились то одна, то две такие же, как она, кормящие матери, и тогда эта же няня равномерно распределяла свое строгое внимание на всех едящих. После каши следовало погулять два часа по Мариинскому парку, располагавшемуся через дорогу от дома, в котором в обычной, но большой квартире и находилось это частное медицинское учреждение, похожее на молочную кухню, а точнее – на ее противоположность. Ведь здесь у матерей забирали молоко, а взамен давали деньги, которых, впрочем, хватало и на молочную смесь родным детям, и на недорогую сельскую жизнь, и на дорогу в Киев и обратно.

Ира уже знала трех мам, так же, как она, приезжавших сюда каждое утро с болящей, тугой от переполненности молоком грудью.

– Это для депутатских мамаш, – сказала как-то Ире Настя из-под Бышева. – Они сразу после родов специальные таблетки принимают, чтобы молока не было и чтоб грудь молодой сохранить, а сами своих детей нашим молоком поят.

Ира поверила. Она не думала плохо о таких мамашах. Она с детства не умела думать плохо о людях, даже о действительно плохих людях. Единственное, чего бы ей хотелось, так это взглянуть краем глаза на малыша, которого кормят ее молоком.

Но сегодня на обратном пути ей пришлось стоять больше часа в маршрутке. Может, это стояние, да еще и с наклоненной головой, так утомило ее, что всю дорогу она жалела и себя, сравнивая в мыслях с дойной коровой, и Ясю, которая при живой и здоровой маме вынуждена пить растворенный молочный порошок и оставаться на целый день с бабушкой.

Выплакавшись, Ира успокоилась. Подогрела себе пюре с куском курицы. Поужинала. Потрогала груди, которые опустошил специальный насос часа три назад – в день у нее сцеживали молоко иногда два, а иногда три раза. Последний раз всегда в 17–00. Ире показалось, что в груди снова появилось молоко, и она, зайдя в комнату к маме, взяла на руки Ясю и поднесла ее к груди. Малышка присосалась, жадно зашевелила губками, отчего Ире стало и щекотно, и немного больно. Но на лице у нее появилась улыбка.

– Смотри, не балуй ее! – услышала голос мамы. – А то увидят завтра, что мало у тебя молока, скажут больше не приходить...

– А я на ночь еще поем, – без всякой обиды на слова матери ответила Ира.

Перед сном, съев бутерброд с салом и еще одну тарелку пюре, Ира развела в тазике темно-зеленую краску для ткани, купленную в Киеве, и замочила в ней свой серый пуховый платок. Чтобы платок не получился темным, добавила в тазик еще воды.

8

Киев. Улица Рейтарская. Квартира номер 10. Полдень

По утрам Вероника любила надевать спортивный лыжный костюм. В этом костюме она смотрелась настолько грациозно и свежо, что сама мысль об утренней зарядке или о походе в фитнес-студию вызывала ироничную улыбку на ее милом личике. Сегодня ей удалось понежиться в кровати до половины одиннадцатого. И вот теперь, когда она окончательно проснулась и вошла своим физическим состоянием в полную гармонию со спортивной одеждой «Адидас», Веронике захотелось потратить немного сил на домашнее хозяйство. Она вытерла пыль с микроволновки, с подоконников. Потом занялась стиркой.

Загрузив в стиральную машину-автомат все белое, Вероника вдруг вспомнила о рубашке Семена. Она снова наклонилась к стиральной машине, открыла круглую пластиковую дверцу-окошко и вытянула за рукав рубашку мужа. Рукав, за который она ее вытянула, был более или менее чистым, а вот второй! Она подошла с рубашкой в руках к окну и всмотрелась в бурое пятно. Понюхала его, потерла нежными подушечками пальцев. Постепенно пришла уверенность в том, что рукав был испачкан кровью. Она задумалась. И от собственных мыслей пробежали у нее по спине мурашки. «Уж лучше смириться с мыслью, что у мужа какая-нибудь временная любовница завелась, чем выяснить после двенадцати лет совместной жизни, что твой супруг – убийца!»

Вспомнилась вдруг к месту или не к месту реклама какой-то добавки для стиральных порошков. Там, в рекламе, как раз и показывали три пятна на одежде, которые растворялись без следа в этой добавке. Одно из пятен явно было кровью!

Не выпуская рубашки мужа из рук, Вероника включила телевизор. Уставилась на экран в ожидании бесконечного блока рекламы. Наконец женское ток-шоу на тему «От вас ушел муж к вашей подруге» прервалось, и рекламный поток щедро вылился на экран.

«“Ваниш”! – обрадовалась Вероника, дождавшись нужной телеинформации. – А у нас же есть!!!»

Она вернулась в ванную комнату, достала из тумбочки под мойкой упаковку «Ваниша». Заткнула мойку пробкой, набрала немного горячей воды и капнула на окровавленный рукав рубашки пятновыводителем. Уставилась на бурое пятно, ожидая увидеть его быстрое растворение в воде. Однако пятно не спешило исчезать. Подождав пару минут, Вероника замыла грязную манжету. Пятно побледнело и действительно почти исчезло.

Победа над пятном принесла Веронике внезапное, но временное успокоение. Она заткнула рубашку обратно в стиральную машину. Нажала кнопку пуска и отправилась на кухню побаловать себя чаем с медом.

В квартире царствовала тишина. Семену с самого утра позвонил его постоянный заказчик Геннадий Ильич, и муж тут же отправился по делам. Прошлой ночью он никуда не исчезал. Она специально просыпалась каждые два часа и проверяла: рядом ли он.

Уже сидя за кухонным столиком у окна, за которым легкий снежок плавно опускался к земле, она опять вспомнила об убийстве аптекаря. «Может, спросить у соседа? – подумала. – Он вроде про него много знает! Да еще каждое утро с десятков газет домой приносит! Новости по всем каналам смотрит! Вдруг убийцу уже нашли?»

Чай с медом ласкал горло. Она могла бы и полчаса так сидеть у окна, и час. Но вопросы, даже мысленные, можно успокоить только ответами. Иначе они зудят и чешутся, как комариные укусы. И Вероника вышла на лестничную площадку, позвонила в дверь соседу. Пару минут подождала и вернулась к себе.

– Значит, не судьба! – решила.

И тут же задумалась о судьбе.

А что судьба? На судьбу ей было грех жаловаться. Единственный ребенок в семье военного летчика и учительницы географии. В доме всегда много конфет, красной рыбы и большой глобус на серванте, с которого мама время от времени стирала пыль. Глупый первый брак в восемнадцать лет. Развод через полгода. Второй брак совсем не глупый и длится уже тридцатый год. За это время Семен вырос из торговца видеокассетами на петровке до хозяина маленькой, но крепкой фирмы по организации охраны различных серьезных встреч и выездных корпоративных мероприятий. Собственно, это и не фирма была, а просто двое старых друзей – Семен да Володька, плюс по необходимости еще три-четыре физически крепких знакомых на подхвате. За четыре года работы в охранном деле заработал Семен денег на хорошую двухкомнатную квартиру на Стрелецкой, в самом центре. Офис ему был не нужен. Все решалось по телефону. Основной заказчик – Геннадий Ильич – был депутатом парламента, а значит, вся его депутатская жизнь в любое время суток состояла из бизнес-встреч и прочих мероприятий, требующих секретности и охраны. Семена он знал давно, по Петровке. Тогда у Геннадия Ильича была кличка Гена-крокодил и занимался он ежедневным сбором денег с торгового народа. «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой...» – любил иногда напевать Геннадий Ильич, и всякий раз, когда рядом в этот момент оказывался Семен, то вспоминалось ему свое сорок седьмое место в третьем рыночном ряду. Песня, как репей, отцеплялась от депутата и теперь уже до самого вечера крутилась на языке у Семена. Иногда он ее напевал, уже заходя после работы в квартиру. Вероника, изучившая закономерность появления этой песни в домашнем «эфире», только усмехалась.

В свое время она многое узнала от Семена о перипетиях рыночной жизни. Во времена торговли видео Семена не раз арестовывала милиция, и он во время арестов умудрился завязать множество полезных контактов. Прежние сержанты к сегодняшнему дню стали майорами и полковниками, занимали важные посты и относились к Семену как к другу юности и свидетелю их профессионального и карьерного роста. Судьба? Конечно, судьба!

И вдруг Вероника содрогнулась. Ее бросило в пронизывающий холод, в бездну. Она вспомнила то, что произошло семь лет назад, и то, что, по обещаниям ее психотерапевта, она не должна была больше вспоминать никогда в жизни.

Она в отчаянии посмотрела в окно, на пролетающие плавно вниз пушистые снежинки. Ее правая ладонь произвольно прошлась по столешнице, уперлась в чашку с недопитым чаем. Через мгновение чашка полетела вниз. Звон разбитого фаянса отвлек Веронику. Она обернулась, бросила взгляд на пол, на белые осколки чашки. Ее немного отпустило. Но этот внезапный душевный холод вдруг стал физическим. Ее бил озноб. Вероника зашла в спальню, нашла в шкафу теплый норвежский свитер. Натянула его поверх «адидасовской» спортивной курточки. Потом прошла в ванну и укуталась в махровый халат изумрудного цвета – подарок Семена к прошлому Дню Валентина. Подпоясалась потуже. Вся эта короткая суэта с утеплением то ли своей души, то ли тела возвратила ее к реальности.

Крупные осколки чашки она собирала пальцами. Мелкие – смела в совок веником. Протерла пол и решила выйти под снег. Белый цвет всегда успокаивал ее, заставлял чувствовать себя маленькой любопытной и незащищенной девочкой. Ей помнилось, как она всего боялась в возрасте четырех-пяти лет. Боялась оказаться одна среди снежного поля, когда ездила с родителями к их знакомым в село под Киевом. Боялась подходить близко к дороге, по которой мимо неслись огромные и шумные грузовики. И самое интересное это то, что ей нравилось ощущение страха, как нравятся многим детям страшные сказки, рассказанные на ночь и потом не отпускающие ребенка в сон, заставляющие заглядывать под кровать или пытаться заснуть с включенным светом, чтобы чудовища и чудовища из сказок не перебрались в детскую спальню.

Вместо махрового халата Вероника надела длинную коричневую дубленку, предварительно замотав горло шарфиком из козьего меха.

Сейчас она погуляет вдоль высокой и мощной задней стены Софиевского монастыря. Дойдет до Стретинской, потом до Рыльского переулка и обратно. И так раза три-четыре. Это ее проверенный маршрут для успокоительных прогулок. И если падает с неба снег, а она идет вдоль высокой и белой монастырской ограды, то все в мире наладится. В ее внутреннем мире. Другой мир ей не подвластен.

9

Город Борисполь. Улица 9 Мая

После исчезновения мурика жизнь в доме Димы стала мрачнее мрачного. Валя по пять раз на день отправляла Диму в разные уголки городка, где, по слухам и непроверенным данным, видели крупного серого кота, по описанию и фотографии похожего на пропавшего. Весь Борисполь уже был оклеен ксероксами фотографии мурика с жалобной просьбой под ней «найти за вознаграждение». Валя наотрез отказалась от предложения мужа написать «...за разумное вознаграждение». Дима и сам был не рад, что полез в неблагодарное дело подготовки объявления о пропаже кота, поглотившее его супругу полностью. Неблагодарное уже только потому, что не мог никто найти их Мурика и вернуть домой. Точнее, найти его останки теоретически и могли, но никакие мертвые «мурики» не обрадовали бы Валу.

Так что Дима просто терпеливо ждал, когда женское сердце успокоится. Ходил себе на службу, контролировал регулярное и ответственное обнюхивание багажа отлетающих и прилетающих авиапассажиров. Следил за настроением Шамиля. А когда возвращался домой, то попадал в атмосферу бесконечного горя. Предвидя просьбу жены, сам же говорил: «Ну, я пойду Мурика поищу!» и перебирался в гараж, где обустроил поудобнее свой уголок между задней стенкой строения и старой БМВ. Даже спиральный нагреватель там поставил, чтобы теплее было.

Там, в гараже, и застали его Борис и Женя. Сначала они, как положено, в дом зашли. Валя сообщила им, что Дима на поиски Мурика пошел. Мужики были сообразительными и, выйдя со двора, тут же направились к гаражу.

– Слушай, это полный приезд! – возбужденно заговорил Борис, когда они устроились в уютном заднике гаража возле обогревателя, состоявшего всего лишь из раскаленной спирали, намотанной на кусок асбестовой трубы. – Три дня его не было дома!

– Кого? – спросил Дима, в мыслях которого главное место занимал «пропавший» Мурик, или, как его называл сам Дима, – Мурло.

– Да велосипедиста этого! – выпалил Борис. – Его жена в истерике билась! Я с этой повесткой к нему три дня ходил, только жену успокаивал. Сказал ей, что, может, он прячется, чтобы эту повестку в руки не получить! А сегодня утром приходит домой, худой, как черт!

– Так он и так худым был! – вспомнил Дима.

– А стал еще худее, на лице – сплошной «Бухенвальд», скулы торчат. И знаешь, что он ей сказал?! Он на велосипеде до Чернигова доехал!

– А зачем? – спросил Дима.

– Я его тоже спросил: зачем? А он плечами пожал!

– Не-т, – протянул молчавший до этого момента Женя. – Он потом что-то про нехватку усталости говорил... Сказал, что чувствовал ненужную бодрость в теле и поэтому решил куда-нибудь подальше проехаться...

– Выпить хотите? – спросил Дима.

Борис мотнул головой отрицательно, а Женя кивнул положительно.

Дима налил себе и Жене. Поставил на табуреточку, игравшую роль столика, тарелку с солеными огурцами, наполнил две стопочки. Но перед тем как выпить, пожаловался на жену, сходящую с ума по пропавшему коту.

– Пройдет! – успокоил его Боря.

– Когда? Я уже не выдерживаю! В доме такая атмосфера, будто в каждой комнате по пять покойников неоплаканных лежат.

– Так найди похожего кота, – на лице Бориса возникло очень серьезное выражение, – да выдай его за этого мурика! Он же обычный, серый был! Таких сотни по улицам бегают...

– Ей сердце подскажет, что это не тот кот, – засомневался вслух Дима.

– Сердце? Да сказки это все! Женщины сами про себя эти сказки придумывают, чтобы добрее казаться! А сами... – Женя недоговорил, схватил стопочку и нервно выпил. Потом хрустнул во рту соленым огурцом.

– Ладно, хватит о котах! – Борис решил менять тему разговора. – Ты врача нашел какого-нибудь? – его взгляд уперся в глаза Димы.

– Какого врача?! Я кота ищу... У меня дома траур!

– Завязывай с поисками кота и займись врачом. Или лучше аптекарем! Аптекари в ампулах лучше разбираются.

– Ты, может, знаешь, что сделать? – Женя поднял указательный палец, привлекая к себе внимание. – Возьми ампулу и зайди в аптеку. Скажи, что нашел и не знаешь, что это такое!

– Так и ты это можешь сделать! – ответил на предложение хозяин гаража. – Почему я должен по аптекам ходить?

– Точно, – кивнул Борис, приглаживая свои усы и внимательно глядя на Женю. – Займись этим!

– Хорошо, – после короткого замешательства согласился тот. – Давайте мне три ампулы, и я... пойду, в общем.

Дима достал из придвинутого к стенке пластикового чемодана три ампулы. Женя сунул их в карман куртки, попрощался кивком головы и вышел.

Борис и Дима переглянулись.

– Он че, обиделся? – спросил Дима.

Борис молча махнул рукой.

– Налей и мне стопочку, – попросил он.

Дима налил.

– Надо было с нами, на троих, – сказал он.

– Я на троих больше не пью, – мрачно сообщил Борис. – Пить на троих – это второй признак алкоголизма.

– А первый?

– Первый? Это пить в одиночку...

Дима скривил губы, оглянулся на свою импровизированную «барную» полочку, оборудованную им в гараже поверх полочки с инструментами.

– Ты что, не пьешь? – удивился Борис.

– Нет, с тобой выпью...

Налил и себе.

– мне бы эти ампулки хорошо продать, – поделился после стопки водки Борис, – так я дочку бы в университет определил, на платное обучение. А ты действительно, найди похожего кота, извляй его в грязи и домой принеси. Скажешь, что он по кошкам шатался и на себя не похож... Она и успокоится! Да и не кота ей надо, а ребенка!

– Это наше дело! – встал на защиту жены Дима.

– Конечно, ваше, – согласился Борис, поднимаясь с самодельной деревянной скамеечки. – А чемоданчик – наше дело. И лучше бы это дело побыстрее закончить!

Снова оставшись один в гараже, Дима наполнил свою стопку еще раз. Смотрел на нее долго, о жизни думал. Думал, что исчезновение кота мурика можно было бы и на соседского бультерьера спихнуть! Но тогда Валя начала бы с соседом настоящую войну, а Диме идти «врукопашную» не хотелось. А наполненная водкой стопка стояла перед ним и почему-то раздражение вызывала. Вылил ее Дима обратно в бутылку и отправился домой.

10

Киевская область. Макаровский район. Село Липовка

Следующее утро у Ирины началось раньше обычного на пятнадцать минут. Она натянула на руки резиновые перчатки для мытья посуды. Перенесла тазик с замоченным в разведенной краске платком в бойлерную. Вытащила платок и повесила его на веревку для сушки белья прямо над этим же тазиком. Двумя прищепками для надежности укрепила его.

Собиралась в хорошем настроении. Успела и чай попить с холодным сырником вприкуску, и детскую смесь для Яси кипяченой водой развести. Только когда пальто надела, растерялась на мгновение: а на голову что? Но взгляд ее упал на мамин шерстяной платок, черный с красными розами, купленный когда-то в Фастове на рынке у цыган. Мама тогда три штуки у них купила, так что где-то еще два платка лежат. Повязала Ира его на голову, взяла сумку и вышла.

Снег на пороге хрустнул под ее ногами. Она на мгновение замерла, прислушалась к тишине. И не побоялась ее нарушить своими шагами. Отправилась к дороге.

Маршрутка пришла вовремя. Заняв свое место, Ира расслабилась и заснула. И вместо того чтобы увидеть сон, услышала из непривычной синеватой темноты голос: «Верь, он вернется! Точно вернется!»

«Кто вернется?» – подумала она во сне.

А голос ответил: «Он».

«Но кто он? – снова спросила она. – А что, если этот «он» – это отец Яси? Такой «он» был ей совершенно не нужен! Вот какой-нибудь другой «он», который смог бы стать любящим папой для дочурки и хорошим мужем для нее самой! Такого бы найти! Только вряд ли он сам придет! Да ведь голос сказал «вернется», а не «придет»! А возвращаются только те, кто сначала ушел!»

И ехала задремавшая Ира в маршрутке по темной дороге. Впереди ждал ее Киев, который освободит ее переполненную молоком грудь и еще молока попросит. И снова освободит грудь, высосет все до последней капли и домой отправит, расплатившись не совсем скупой, но и не щедрой, а так, чтобы хватило ей, Ирине, сил и желания продолжать эту ежедневную рутину до тех пор, пока не иссякнет в ее груди молоко.

– Эй! Приехали! – протрещал над головой голос водителя Васи. – Давай, а то опоздаешь!

Ира проснулась, по сторонам оглянулась. В маршрутке, кроме нее и Васи, никого не было.

– Ты, кстати, и за проезд не заплатила! – сказал Вася, и голос его прозвучал непривычно беззлобно и даже «по-отечески» заботливо.

Отдав ему десять гривен, Ира вышла на освежающий морозец улицы и зашагала к метро.

Дверь ей открыла заспанная нянечка в белом халате. Видимо, она и ночевала в этой частной молочной кухне.

Ира разделась до пояса, села за стол. По плечам и рукам сразу гусиная кожа. Старушка-нянечка заметила, что Ире холодно. Форточку закрыла. Потом подставила пластиковую чашку-присоску к левой груди. Включила насосик, и зажужжал он, как детская игрушка на батарейках. От чашки-присоски к бутылке-приемнику побежало по трубочке молоко.

Стараясь отвлечься, Ира припомнила свой сон в маршрутке. Сон без картинки, зато с голосом. Примеряла в мыслях упомянутого голосом «его» ко всем своим знакомым мужчинам. Оказалось, что немного у нее знакомых мужчин. Если не считать стариков-соседей по селу, то хватало пальцев на одной руке, чтобы понять одно: кто бы из этих пяти ни вернулся, особенного счастья ей это не принесет.

Чашка-присоска перекочевала на правую грудь. Жужжание маленького насоса казалось таким же родным, как плач Яси.

Плотно позавтракав овсянкой, Ира оставила свою сумку на вешалке в коридоре, а сама отправилась гулять по Мариинскому парку.

Время приближалось к восьми утра. К остановке подъезжали автобусы и маршрутки, и из них высыпали десятки прилично и тепло одетых людей. Никто из них не шел в парк. Все переходили на другую сторону улицы и исчезали.

Ире это нравилось. Она себя ощутила чуть ли не хозяйкой здесь, в этом парке, прилегающем к Парламенту и к нежному бирюзовому зданию дворца. Может, это из-за вкусной овсяной каши так ей было тепло и уютно на морозе? Может, оттого, что приезжавшие сюда люди только шли на работу, а у нее первая смена уже окончилась и наступил такой длительный перерыв, какого у обычных рабочих или даже секретарш просто быть не может!

Улыбка осветила личико Ирины. Она поправила на голове мамин «цыганский» платок и пошла неспешно по аллее.

– Этот платок вам тоже не к лицу! – раздался рядом мужской голос, показавшийся знакомым.

Она обернулась и узнала мужчину с хитрыми искорками в слегка раскосых глазах. Он подвозил ее на красной машине, когда ее маршрутка прошла раньше времени.

– А это не мой, это мамин, – ответила Ира.

– Да, – кивнул он. – Такой можно носить, когда внуки родились!

– Вот мама и носит. Внучка у нее есть...

Мужчина был одет в длинное кожаное пальто черного цвета с высоким меховым воротником. А вот меховой шапки на его голове не было. Вообще никакой шапки не было.

– А вам не холодно? – спросила Ира, не сводя глаз с его короткой прически, словно хотела найти симптомы облысения из-за хождения с непокрытой головой по морозу.

– Нет, не холодно, – спокойно ответил он. – Меня, кстати, зовут Егор. А вас?

– Ира.

– Пойдемте, я вас плохим кофе угощу! – предложил мужчина.

Ира посмотрела на него с подозрением.

– Хороший кофе можно только с десяти утра найти, а сейчас, увы, выбора нет.

Она кивнула, и Егор увел ее к дороге, к остановке, туда, куда продолжали «причаливать» очередные автобусы и маршрутки, подвозя все больше и больше прилично одетых людей.

Они перешли улицу, вышли на поперечную, и минут через пять, свернув за угол направо, вошли в гастрономчик.

– Два по «три в одном», – сказал он продавщице странные для Ирины слова, но продавщица его поняла.

Сладкий кофе они пили из пластиковых одноразовых стаканчиков, стоя у витрины магазина с внутренней стороны.

– Не такой уж он плохой! – пожал плечиками Ира.

– Надо уметь сравнивать, – усмехнулся Егор. – А вы где-то здесь рядом работаете?

– Да, – кивнула Ирина. – А вы?

– Я тоже. Недалеко от того места, где я вас встретил.

– Во дворце? – заинтересовалась Ирина.

– Можно сказать, что во дворце, – ответил он после короткой паузы.

Внезапно прозвучавший рядом, почти между ними, механический голос испугал Ирину. Она оглянулась, но тут Егор дотронулся нежно до ее руки своей, возвратил этим касанием ее взгляд на себя и показал глазами, что все в порядке.

– Иду уже, – сказал он кому-то.

Ира заметила, что из высокого мехового воротника его пальто к уху шел черный проводок, заканчивавшийся маленьким черным наушничком, размером с муху, возле самой ушной раковины. Она видела такие штучки по телевизору, у людей, обычно охраняющих президента.

«Он сейчас уйдет», – поняла Ира, и ей просто захотелось плакать. Не потому, что он уйдет, а «плохой» кофе в ее стаканчике еще не допит. Просто он, с этой черной штучкой в ухе, показался ей человеком, достигшим исполнения своей мечты. Спокойный, приятный, самоуверенный...

– Вы же постоянно гуляете в парке, – улыбнулся Егор.

Она кивнула, и губы ее приветливо улыбнулись.

– Я вас найду. Может, и сегодня. С меня теперь хороший кофе!

– Этот тоже хороший, – негромко сказала она.

Егор усмехнулся, игриво моргнул двумя глазами и вышел из магазина.

«Он выше меня почти на голову!» – поняла Ира и удивилась этому открытию.

– Эй, дай гривну! – прошептал остановившийся перед ней бородатый бомж в облезлом драповом пальто серого цвета и в ботинках без шнурков. – Мне холодно!

Ира полезла в карман. Достала мелочь, отсчитала гривну и высыпала ее в протянутую руку бомжа.

– Хорошо! – сказал он ей вместо «спасибо» и, оглянувшись, направился к женщине в дорогой дубленке, только что зашедшей в этот маленький гастрономчик.

Ирине тоже стало холодно. Она допила кофе и решила вернуться в тепло ее молочной кухни.

Входная дверь была открыта, и Ирина вошла, но ее тут же оттеснили двое мужчин в одинаковых синих куртках, занесшие внутрь большой металлический бидон. Они пронесли его по коридору и, открыв двойные двери, которыми этот коридор заканчивался, исчезли в другом коридоре, намного более роскошном, в котором на полу лежала ковровая дорожка, а на стенах висели картины. Что было изображено на этих картинах, Ира не успела рассмотреть. Двойные двери сомкнулись синхронно. Любопытство заморозило взгляд Ирины на этих дверях. Она-то думала, что там просто какой-то кабинет или, может, актовый зал, как в школе.

– Ирочка, на плите еще каша осталась, – ласково произнесла нянечка Вера. – Раздевайся, проходи!

Ира кивнула, не сводя глаз с двойных деревянных дверей.

– А что там, за теми дверьми? – спросила она уже на кухоньке, оглядываясь на нянечку Веру, наливавшую ей в миску овсянку.

– Туда клиенты и клиентки приходят с центрального входа. Врач-консультант в кабинете принимает. Прежний врач-консультант китайцем был, а нынешний, говорят, из Москвы приехал, – прошептала пожилая нянечка. – Мы тут – кухонные. Нам туда нельзя. Сразу выгонят!

Ира с пониманием кивнула. А как только стала кашу овсяную есть, так тепло и уютно ей снова стало, что все вопросы, и заданные, и не заданные, улетучились куда-то. Да и слух у нее тут же словно опрокинулся, как граненый стакан. Внутренним стал. И услышала она, как во рту овсянка прожевывается, как молоко в груди прибывает, как сердце громко и уверенно стучит.

11

Киев. Улица Рейтарская. Квартира номер 10

А зима продолжала быть мягкой и ненавязчивой. Снежок то выпадет, то растает из-за какого-то непонятного теплого дыхания ветра и тут же снова замерзнет, превратившись в гололед. И тогда уже ступаешь по неровному тротуару осторожно, и ждешь нового снега, чтобы припорошил он скользкую дорожку.

Семен уехал с самого утра, затемно. Обещал вернуться к пяти. Вероника с утра сходила за продуктами. Потратила часок на телефонный разговор со своей знакомой Танечкой. Узнала много о ее новом, уже третьем, муже, который был, оказывается, на три года младше Танечки, но, по ее словам, отличался удивительным жизненным опытом. Что подразумевала Танечка под «жизненным опытом», Вероника решила узнать при личной встрече, о которой они, кстати, в конце телефонной беседы и договорились.

А время никуда в этот день не спешило. И снежок то падал, то останавливался. И, вспомнив от нечего делать о полезности свежего воздуха, Вероника вышла прогуляться. Но, будучи в хорошем настроении, отправилась не к задней массивной стенке Софиевского монастыря-заповедника, а к углу трех кафе – к пересечению Стрелецкой и Ярославова Вала.

Там она и стала свидетельницей сценки, которую ни трагической, ни комической не назовешь.

Элегантно одетая женщина лет пятидесяти, в песцовой шубе до пят и в благородных сапогах, в одной руке держала молоток, а в другой – небольшой траурный венок из сосновых веток, украшенный несколькими искусственными розами и черной лентой с надписью серебряными буквами. Между женщиной и стенкой углового кафе стоял парень в джинсах и темной куртке. Было ему на вид лет восемнадцать. Взгляд напуганный, выражение лица такое же. Он что-то говорил женщине, несуразно жестикулируя.

Красивое своею строгостью черт лицо женщины выражало недоумение и гнев. Вероника кожей почувствовала, что ей непременно надо стать рядом с женщиной и поддержать ее, независимо от сути спора.

Стоило Веронике остановиться рядом, как вся суть спора стала ясна, как летний день.

– Его здесь убили, а этот сопляк не дает мне венок на гвоздь повесить! – проговорила дама в песцовой шубе прямо в лицо Веронике. – Вы представляете! Вон, на Рейтарской, возле кафе «Двери», машину взорвали, и венок уже лет пять висит, никому не мешает!

– Это частная собственность, – бормотал парень, переводя взгляд с дамы с венком и молотком в руках на Веронику и обратно.

– А если б тут твоего отца убили, – спокойно спросила Вероника, пригвоздив парня к стенке холодным взглядом.

– Да при чем тут мой отец! – неуверенно возразил парень. – Это же кафе, сюда клиенты ходят!

– Мой муж тоже к вам ходил! – сказала дама в шубе и поджала нижнюю губу, словно хотела выразить свое пренебрежение к этому ничего из себя не представляющему молодому человеку.

– Идите к директору и договаривайтесь, а я здесь ни при чем! Мне сказали убрать венок, и все! Я ведь только охранник...

– У моего мужа сорок таких охранников, – рассердилась Вероника. – Я ему скажу...

– Не надо, – спокойно проговорила Веронике дама в шубе. – Где твой директор? – обратилась она к парню.

– Там, – он показал взглядом на кафе.

– Подержите! – дама протянула Веронике венок и молоток.

– Пошли! – скомандовала она парню.

И они вдвоем зашли в кафе. А Вероника осталась стоять на тротуаре, припорошенном снегом. Она заметила в стене дома вбитый гвоздь. Повесила на него венок, а молоток прислонила ручкой к стене внизу. Теперь стоять было удобнее.

Дама в шубе вышла минут пять спустя. Первым делом поправила висевший чуть косо венок. Подняла молоток с тротуара.

– Договорилась, – сказала спокойным голосом. – На выходные буду снимать, а в будни они его трогать не будут...

– Пойдемте ко мне, кофе выпьем, – предложила Вероника. – Я тут рядом живу.

12

Аэропорт «Борисполь»

Смена Димы оканчивалась в девять утра. Ночь прошла спокойно. Пассажиры в эту смену все как один оказались законопослушными, так что сколько Шамиль ни принимался, а радостью его глаза ни разу не засветились. Грузчиков Бориса и Жени ночью в аэропорту тоже не было – их смены не совпали с Диминой.

«Оно и к лучшему, – думал Дима, поглядывая на часы и одновременно вспоминая о черном пластиковом чемодане, лежащем у него в гараже. – Выбросить бы его к чертям, да и забыть обо всем!»

Оставался еще один рейс. Потом передача смены коллеге с собакой и развозка – аэропортовский автобус, доставляющий уставших тружеников ночной смены по домам.

– Коваленко! – донеслось вдруг из карманной рации. – Зайдите к начальнику таможни!

– Иду! – ответил в черную «мыльницу» Дима и озадаченно посмотрел на Шамиля.

– Сидеть! – приказал овчарке и отправился к начальству.

Начальник встретил его кивком головы и холодным взглядом. Он сидел за рабочим столом, крутил в руках свои очки со слегка затемненными стеклами. Монитор с клавиатурой был сдвинут на край стола по правую его руку, а несколько папок бумаг – по левую.

– Двенадцатого утром твоя смена была?

– Да, – ответил Дима.

– Какой-нибудь багаж по нашей линии задерживался?

– Кажется, нет, – Дима напрягся и старался держать лицо неподвижным, чтобы случайно не вызвать подозрения начальства. – Если что-то было, должно быть задокументировано... – Он кивнул на компьютер.

– Один чемоданчик, – начальник вытащил из-под папки лист бумаги с текстом, надел на нос очки и зачитал: – Черный, пластиковый, фирмы «Смарт-кейс», – опять снял очки и возвратил свой холодный взгляд на кинолога. – Прошел регистрацию на утренний рейс на Вену, но до аэропорта назначения не долетел. Припоминай!

Дима отрицательно замотал головой.

– Выемки багажа в ту смену точно не было, – более твердо произнес он.

– Ясно! Значит, грузчиков работа! Ну ладно, иди! – выдохнул начальник.

В этом «ладно, иди» почувствовал Дима угрозу выстрела в спину.

В багажное отделение тем временем заехали чемоданы из Амстердама. Дима с Шамилем обошли их, но и тут все было чисто.

Уже выйдя из развозки, Дима остановился у кафе, раздумывая, а не посидеть ли ему тут с полчаса? Домой не хотелось. Там, на кухонном подоконнике, Валя поставила в рамке фотографию кота мурика, да еще черную полосочку бумаги внизу на уголок приклеила. Этот траур по мурику начинал действовать Диме на нервы. «Свихнулась она, что ли?» – думал он о жене.

В дом заходил с опаской. Однако Вали дома не оказалось. На кухонном столе в маленькой тарелке, прикрытой сверху эмалированной миской, лежали два еще теплых сырника. Чайник на плите тоже был теплый.

Дима развернул фотографию на подоконнике котом к окну и спокойно позавтракал. Выпил чаю.

Вспомнился ему разговор с начальником, интересовавшимся черным пластиковым чемоданом. Дима вдруг представил себе внезапный обыск у себя в доме и в гараже. Мысли застыли от испуга.

Набрал по мобильному грузчика Бориса.

- Надо срочно встретиться, – сказал ему нервным голосом.
- Что, доктора нашел? – спросил тот.
- Хуже.
- могу вечером заехать.
- А раньше?
- Раньше никак, я же на работе.

Разговор не успокоил Диму. Он вытащил из тумбочки в коридоре две хозяйственные сумки. Пошел с ними в гараж. Переложил туда коробки с ампулами и принялся по пустому чемодану топориком бить. Думал, раскрошится он на мелкие кусочки, которые можно в кулек и в мусорный бак. Однако пластик «Смарт-кейса» оказался крепким. Топорик оставлял на нем где дырки, а где вмятины, но большего вреда принести чемодану он был не в силах. Бросив это занятие, Дима вернулся в дом. Ложиться спать ему не хотелось.

Снова присел на кухне. Написал жене записку: «Валя! Я пошел искать Мурика». Вытащил из рамки фотографию кота и сунул ее во внутренний карман пиджака.

На улице морозный воздух взбодрил Диму, однако усталость от ночной смены лежала тяжелым грузом на плечах. От этого и бодрость его была какой-то подавленной.

Но решение было принято, и отступать от него Дима не собирался. Сегодня он купит на птичьем рынке в Киеве точно такого же Мурика – за серого кота вряд ли кто-то захочет больше двадцати гривен. Купит, привезет, и пускай Валя ищет «10 отличий», как в старых журналах на предпоследней странице. Все серые коты одинаковы, все любят пожрать, а потому будут одинаково лежать в кухне под теплой батареей и следить влюбленными глазами за хозяйкой, готовящей пищу.

В маршрутке, ехавшей на Киев, было тепло, и радио «Шансон» пело гнусным голосом про «тетю Шуру из Тобольска». Усевшись в заднем ряду на мягкое сиденье, Дима задремал.

13

Киев. Улица Грушевского. Марининский парк

Следующим утром весь Марининский парк был покрыт снежным пухом. И на голых веточках деревьев он лежал, и на аллеях, создавая некую празднично-свадебную красоту.

Ира уже полчаса любовалась белизной снега и бирюзой невысокого дворца, проглядывавшегося за стволами деревьев. Этот дворец своим нежным цветом так подходил к ее новому пуховому платку. Впрочем, не новому, а свежепокрашенному. Он был настолько легким, ее платок, что даже не чувствовался, не давил, не ощущался. Зато тепло от него шло нежное. Тепло стекало по ее русым волосам. Стекало до плеч. Может, потому, что платок она завязывала так же, как когда-то на ней завязывала совсем другой платок мама, отправляя дочурку в сельскую школу. Тот платок был тоже серенький, мышиного цвета. А почему тоже? Нет, тот был мышиного цвета, этот тоже был мышиного цвета. А стал нежно-изумрудного! Легкая, опустошенная еще час назад грудь, почти не чувствовалась, не отвлекала на себя ее внимание. И Ирина продолжала радоваться пуховому платочку, словно он после перекраски стал теплее.

А в парке никого не было. Только старичок собачку выводил на несколько минут, а потом исчез. И Егор почему-то не появлялся. Он ведь должен со стороны дворца прийти. Так думала Ира, но мысли ее этим утром были неровные и непослушные. Ночью Яся просыпалась и плакала. И Ира поделилась с ней материнским молоком. Чуть-чуть. Яся так и заснула снова, не выпуская сосок из ротика. Пришлось Ире осторожненько пальчиком ротик дочурке открыть и высвободить зажатый сосок. И в маршрутке, ехавшей по темной Житомирской трассе, подремать не удалось. Водитель Вася делился своей радостью с охранником киевской стройки, сидящим обычно сразу за водительским сиденьем. У Васи, видите ли, счастье. Жена вернулась. Он ей сначала оплеуху влепил, а потом уже расцеловал и сказал, что зла на нее не держит. Говорил он об этом с гордостью, но гордость свою полностью не договаривал. А Ира не дура, знала, что он хочет охраннику сказать: «Я-то лучше того непьющего сварщика оказался, раз она вернулась!»

Ира с закрытыми глазами ехала, но уши заткнуть было нечем. Потому все услышанное смешалось с ее мыслями и с воспоминаниями о недавнем сне без картинки, но с голосом. И теперь, когда Ира пыталась тот голос вспомнить, то слышала голос водителя Васи. И слова о том, что «он вернется», произнесенные в воображении Иры голосом Васи, не звучали ни серьезно, ни убедительно. Вообще не звучали.

«может, он в том гастронмчике кофе пьет?» – подумала Ира.

Огляделась еще разок по сторонам. По-прежнему никого.

Гастронмчик нашла легко. Подошла к высокому прилавку, за которым пряталась совсем молоденькая блондинка в красном жакетике.

– Три в одном, – по памяти произнесла Ира.

– «маккофе» или «Якобс»?

– «маккофе».

С горячим пластмассовым стаканчиком в руке отошла к витрине и стала рассматривать проходящих мимо гастронма людей. И вдруг увидела свою начальницу, у которой получала в молочной кухне деньги. Испуганно отшатнулась. Кофе выплеснулся из стаканчика. Обжег пальцы.

«Все-таки чужая я здесь, – подумала Ира. – Никому я здесь не нужная. Только молоко мое какой-то малыш пьет... Увидеть бы его!»

Не было у Ирины к этому неизвестному малышу никаких чувств – ни добрых, ни сердитых. Было лишь одно любопытство. Хотелось узнать: мальчик это или девочка и, если воз-

можно, имя. Чтобы могла она, Ирина, даже просто мысленно сказать своей Ясе: «Извини, Ясечка, но это молоко Танечке или мишеньке важнее!»

– А, вот вы где! – прозвучал за спиной приятный знакомый баритон.

Обернулась. Улыбнулась Егору.

Он на часы посмотрел.

– Допивайте! Через пять минут можно будет хороший кофе выпить!

От плохо скрытой радости Ирина свой «маккофе» одним глотком допила и посмотрела на Егора снизу вверх, как прилежная пионерка, полностью доверяющая своему пионервожатому.

Хороший кофе, как выяснилось, варили в двух шагах от уже знакомого Ирине гастрономчика.

В кафе было тепло и уютно. Единственным неудобством для Ирины оказалось то, что пальто и платок надо было снимать. Она так и замерла между столиком и вешалкой, на которую Егор уже пристроил свое длинное кожаное пальто.

– Да садитесь вы так, лишь бы вам было удобно! – сказал он, заметив растерянность девушки.

Ее глаза выразили благодарность. Она расстегнула свое пальто и платок ослабила, а потом сдвинула его назад так, что он лег ей на плечи и превратился в нежно-изумрудную шаль.

– Где вы нашли такую красоту? – спросил Егор.

Ирина усмехнулась. Рассказывать о том, что любую одежду можно перекрасить и носить, как новую, ей не хотелось. Особенно ему, сидящему в дорогом темном костюме с бордовым галстуком на белой рубашке.

Подошла девушка в белом передничке.

– Два «американо» и... – Егор обернулся к Ирине. – По коньячку?

– Мне нельзя.

– Тогда по пирожному! – Егор возвратил свой взгляд на молоденькую официантку. – Какие у вас сегодня самые свежие?

– У нас все свежие! Возьмите «Тирамису»!

– Хорошо. Два!

Девушка отошла.

– Так вы совсем не пьете? – В голосе Егора прозвучало немного обидное для Ирины удивление.

Она посмотрела в его карие глаза. Отрицательно покачала головой.

– У меня дочке три месяца, – сказала. – Она у меня еще грудная.

– Дочке три месяца, и вы каждый день на работу ездите?! А с ней кто? Муж?

– С ней мама. – Радость от встречи покинула Ирину. Ей меньше всего хотелось рассказывать этому красивому мужчине о себе. Ведь рассказывать о себе – это перечислять свои проблемы. Почти жаловаться! А чужие проблемы отталкивают. Ирина это по себе знает. Как только кто-нибудь малознакомый делился с ней своими проблемами, сразу хотелось заткнуть уши пальцами и уйти в сторону. Вот и он, наверно, наслушается сейчас ее проблем, и взгляд его потускнеет. Нет, не будет она его «грузить».

– А мужа нет, – голосом повеселее добавила Ирина. – Выгнала я его. Да он и мужем-то не был!

– И живете вы там, в Липовке? – снова спросил Егор.

Она кивнула.

– А откуда у вас такая городская речь?! – искренне удивился Егор. – Я ведь тоже родился в той стороне, за Кодрой. Но вырос тут, в Киеве.

– Училась в Киеве. Да и телевизор любила посмотреть! – призналась Ирина с улыбкой. – Мама мне с детства твердила: повторяй все вслух за телевизором, будешь красиво говорить! У нас же вы сами знаете, как говорят!

– А работаете кем? – не унимался Егор.

Взгляд Ирины остановился вдруг на его черном наушничке. Она проследила глазками за проводком, который уходил под воротник пиджака. Рассмеялась.

Официантка принесла кофе и пирожные.

– Что, секретная у вас работа? – улыбнулся Егор.

– Это у вас секретная, – Ирина расслабилась, ведь разговор ушел в сторону от ее проблем. – Я – кормилица.

Егор как раз поднял в это время над своей чашкой фарфоровый кувшинчик с горячим молоком. Замер на мгновение.

– Да, – выдохнул не без удивления. – Редкая у вас профессия!

– Закончится молоко, буду другую работу искать, – легко произнесла Ирина.

– Вам? – Егор поднес кувшинчик с молоком к ее чашке.

Ирина кивнула.

«Тирамису» таял во рту. В кафе зазвучал негромкий джаз. Егор пил кофе, маленькой ложечкой черпал кусочки сочного пирожного и отправлял их в рот. И задумчиво смотрел на Ирину.

– Вам не обязательно быть такой открытой и искренней, – сказал он вдруг озабоченно. – Вы так легко о себе рассказываете!

Ирина пожалала плечами. Ей было жарко в пальто, но не снимать же его теперь. Тем более, что у нее там, под пальто, совершенно безликая салатовая кофточка поверх розовой блузки и длинная шерстяная юбка, которой уже лет пять и никакое перекрашивание ей новую жизнь не подарит.

– Пятый, ты где? – прошипел механический голосок со стороны наушника.

– Район Дома офицеров, – ответил Егор.

– А тут одна беременная в черном пальто крутится, возле обзорной площадки. Может, та, что позавчера убиться хотела?

– Понял, – сказал Егор. – Последи! Я скоро!

– Вам надо уходить? – спросила Ирина.

– Нет. Хотите еще кофе?

Ирина не хотела.

– Знаете, Ира, – Егор наклонился над столом и перешел на шутливо-заговорщицкий шепот. – Я по работе могу узнавать секреты разных людей. Хотите узнать чей-нибудь секрет?

– Секреты? – переспросила Ира.

– Ну, кто, с кем, почему? Вы газетку «Бульвар» читаете?

– Читаю, – призналась Ира. – А про кого вы можете секреты узнать?

– Про кого хотите, кроме эсбэушников и военных.

Ира задумалась. Посмотрела внимательно в глаза Егора.

Его карие глаза были серьезнее, чем губы. На губах застыла шутливая улыбка.

– Знаете, – Ирина тоже улыбнулась. – Есть один секрет, который мне хотелось бы узнать.

Егор наклонился еще ближе к Ирине, чуть свою чашку локтем не перевернул.

– Я ведь на самом деле не знаю, кого своим молоком кормлю. У меня его сцеживают. А потом, видимо, этой мамаше или няньке передают. С гигиеной тут строго: каждые две недели медосмотр, все анализы... Даже самые-самые!.. Извините за подробности. А хотелось бы узнать про малыша. Ну, которого моим молоком выкармливают...

Егор широко усмехнулся.

– Хорошо, – сказал. – Пойдемте, покажете, где эта ваша молочная кухня!

Он бодро поднялся. Оделся. Вышли из тепла на морозец, и повела Ирина Егора показать те двери, за которыми у нее иногда дважды, а иногда трижды в день молоко забирают. Пальто

застегивала на ходу, и платок свой нежно-изумрудный на ходу поправляла, расправляя его пуховые «крылья» на своих плечах под пальто.

Над Печерском ярко светило зимнее солнце, и под его лучами выпавший утром снежный пух оседал, тяжелел и приклеивался ко вчерашнему снегу, уже затвердевшему и ставшему хрустящей корочкой.

14

Киев. Улица Рейтарская. Квартира номер 10

Дарья Ивановна дома у Вероники почувствовала себя уютно и расслабилась. Поплакала немного по покойному мужу-аптекарю, убитому ножом на том самом углу трех кафе, где они познакомились. Посетовала на судьбу. Похвалила кофе, сваренный Вероникой. Расспросила хозяйку о ее семейных делах.

Вероника была настроена на искренность, но только не на свою. О Семене сказала только пару слов, да и то слишком хороших, на что вдова аптекаря недоверчиво нахмурилась, но только на мгновение. А потом снова о себе и о своем продолжила:

– Он был сложным и замечательным, – в ее темных глазах прочиталась душевная теплота. – У него кабинет был в аптеке. Иногда звонит и радостным голосом: «Сейчас прибегу, дорогая! Вари кофе!» И кофе такой получался, как у вас, – она бросила на хозяйку многозначительный взгляд. – У меня такой кофе только для него получался. Когда себе или подруге варила – всегда хуже! Вы мужу кофе варите?

– Я?! – Вероника снова смутилась. Все-таки не была она настроена в этот день на расспросы, даже на самые обыденные. – Редко. И себе редко варю.

– Жарко у вас, – Дарья Ивановна прошлась взглядом по двум белым итальянским батареям. – А мы, когда ремонт делали, так и оставили старые, ребристые, из чугуна. Только покрасили их. У нас прохладнее. Вы знаете, что холод помогает продлевать молодость?

Она поправила на плечах пушистый мохеровый платок.

– Детей у вас нет? – снова спросила.

И тут вовремя скрипнула входная дверь. Вероника вскочила. Выглянула в коридор. Увидела мужа.

– Сеня, у нас гостя, – сказала.

Дарья Ивановна тут же засобиралась. Тоже в коридор прошла, шубу надела. Оценивающе на мужа Вероники посмотрела.

– Я там на столике визитку оставила. Позвоните! – сказала она, уже выходя из квартиры. – Следующий кофе выпьем у меня! Да, и ваш телефончик дайте!

Вероника быстренько записала ей оба свои номера – и домашний, и мобильный. Получила на прощание от гостыи еще одну приветливую улыбку. Зашла следом за Семеном на кухню.

– Ты что такой мрачный? – спросила.

Семен был скорее уставшим, чем мрачным. Он уже успел налить себе стопочку коньяка, но теперь смотрел замершим взглядом на жену, и в его взгляде не было добрых чувств.

– Переоденься, – попросила Вероника, осматривая его несвежий свитер и потертые джинсы. – Я постираю!.. У тебя проблемы?

– Кто это был? – холодно поинтересовался Семен.

– Жена аптекаря, которого убили. Помнишь, когда ты под утро пришел с пятном на рубашке...

Семена передернуло, словно от внезапного мороза. Он выпил коньяк, налил еще.

– Мне налей, – попросила жена.

Семен удивился. В его взгляде проснулись человечность и доброта. Он достал еще одну стопочку, наполнил ее и передал Веронике.

– Я с ней случайно познакомилась, – рассказала она Семену, пригубив коньяк. – Просто вышла на угол, а там женщина с парнем ругается. Смотрю, а у нее в руке маленький венок траурный и молоток. Оказывается, она в стенку гвоздь вбила, ну, там, где его убили, а охранник кафе ей венок вешать не дает. Говорит, что он будет клиентов отпугивать...

– И что?

– Она к хозяину пошла. И договорилась, что в рабочие дни венок висит, а на выходные она его снимает...

– Хм-м, – выдохнул Семен. – А у нас ЧП! Охраняли пикник Геннадия Ильича, а рядом кто-то охотился. Я послал своих людей, чтобы охотников от пикника «отодвинуть», а те по случайности или специально одного из моих в ногу дробью ранили. Отвезли раненого в районную больницу, а те сдуру милицию вызвали. Теперь милиция будет нервы трепать... Придется просить Геннадия Ильича вмешаться, чтобы в покое оставили.

Разговор у Вероники с мужем неожиданно теплым оказался. Семен даже успокоить себя ей позволил. И переоделся во все чистое, хотя никуда идти пока не собирался. За окном наливался свинцовым морозом ранний зимний вечер. По краям оконного стекла поблескивали узоры.

Веронике захотелось еще стопочку коньяка и, отдельно, глоток свежего морозного воздуха. Она открыла форточку, подождала, пока холод с улицы не коснулся ее щек, и выпила коньяк залпом.

15

Киев. Курневка. Птичий рынок

За неполный час прогулок по птичьему рынку Дима чуть не околел. Кошачий товар был представлен исключительно котятами, в основном благородных и дорогих пород. Продавала одна старушка двух взрослых сиамских кошек, но, видимо, начала она их продавать еще тогда, когда обе тоже были котятами. И лицо старушки, и ее руки были щедро украшены следами кошачьих когтей.

Диме больше понравилась пара жирненьких попугаев в красивой просторной клетке. Минут пять он стоял, наблюдая за умными птицами. Но потом вернулся к основной задаче. Прошелся вдоль трамвайной линии уже за забором рынка. Там, как ему сообщила старушка с сиамскими кошками, бомжи за три гривны всякую приبلудную серость продают. При словах «приблудная серость» Дима мгновенно представил себе Мурика. Но в этот день бомжей с дешевыми котами за забором рынка не наблюдалось. И оказался, в конце концов, основательно подмерзший Дима опять перед женщиной в теплом сельском кожухе и грубых сапогах, у ног которой на асфальте в плетеной корзине под обрезком пледа грелись серые котята по двенадцать гривен за штуку.

– Мне нужен большой серый, – вздохнув, сказал Дима.

– Насколько большой? – поинтересовалась хорошо утепленная женщина.

Дима показал руками примерный размер мурика. Потом объяснил, в чем его проблема. Про горе жены рассказал, про фотографию кота в рамке с траурным черным уголком.

– Ой, у меня самой, когда Салфеточка под машину попала, микроинфаркт был! – всплеснула руками женщина. – Вашей жене с мужем повезло! А мой меня три недели подряд дурой называл!

Дима похвалу в свой адрес «съел» с удовольствием. Хотел было для продолжения диалога поругать мужа продавщицы котят, но вовремя остановился. Потому что заметил, как в глазах у женщины мысль сверкнула.

– Есть у меня один серый кот на примете, ничейный. Я его подкармливаю, я же на первом этаже живу, – заговорила она сквозь приветливую улыбку. – Как вашего-то звали?

– У него две клички было. Для жены – мурик, а для меня – мурло... Но главное, чтобы на мурика отзывался!

– Они за рыбу с колбасой на что угодно отзываться будут! Приезжайте через недельку. Я его одомашню и к новой кличке приучу!

– А сколько будет стоить? – осторожно спросил Дима.

– Ну, сколько не жалко, плюс на колбасу и вообще еду... Гривен пятьдесят...

Дима кивнул. Взял у женщины номер ее телефона, потому что не помнил, какие у него смены на следующей неделе, и отправился бодренькой походкой в «кафешку-разливайку», примеченную им по дороге на птичий рынок. Теперь можно было не просто согреться стопочкой водки, а и отметить будущее возвращение домой «блудного мурика».

16

Киевская область. Макаровский район. Село Липовка

Яся заплакала около двух часов ночи. За окном тихо было, как в глубоком погребе, где даже мыши не водятся. Ирина ноги с кровати на деревянный пол опустила, горячими ладонями лицо разгладила, глаза открыла. Ясю на руки взяла, поднесла ротиком к левой груди, и снова тишина в доме воцарилась. Только едва слышимое чмокание младенческих губок. Да и то, не ушами Ирина это слышала, а кожей своей.

Спать расхотелось. От деревянного пола ступням бодрящий холодок передался.

Подумала Ирина о Егоре. Вот это кавалер! Сильный, высокий, хороший кофе любит. Обходительный. И со вкусом к одежде. Ведь как он тогда сразу в машине ей сказал про платок! Обычный мужчина ничего не скажет. Обычному все равно, что на женщине надето, тем более на незнакомой. А он сказал! И не потому, что она ему тогда понравилась! Как такое пугало, укутанное в серый платок, может кому-то понравиться?! Да ведь она сама решила пугалом одеваться. Чтобы спокойно вечером с маршрутки до дома дойти. Чтобы ни один из вечно подвыпивших местных мужиков на нее внимания не обратил. Потому что избавь Бог от их внимания, от их вечного перегара и грубых рук. Это раньше ей думалось, что надо всегда за собой следить, тогда и жизнь к ней добрее станет. Доследилась за собой, докрасилась! Затащил ее к себе в хату Михаил Якович, ее первый учитель. Сказал, старые фотографии покажет. А закончилось все вином, шоколадом и диваном, над которым на стенке гобелен с пучеглазой зеленой русалкой висел. Вот тебе и конец романтики! Мечтала о Бельмондо, а получила местный вариант пятидесятилетнего сельского Луи де Фюнеса с проседью на груди и вздутым, как футбольный мяч, животиком. Она еще помнила эту странную упругость его живота. Может, это болезнь какая-нибудь?

Яся снова заснула, зажав сосок груди во рту. Ирина пальчиком ротик ей разжала, сосок высвободила, но дочурку оставила на руках. Только сильнее к своему телу прижала.

Снова о первом учителе вспомнила. Ничему он ее не научил! Только «домашнее задание» ей устроил на долгие годы вперед – Ясю. Но об этом Ирина не жалела. Сначала она решила, как и по телевизору во время разных ток-шоу слышала, что все мужики – сволочи! Теперь, правда, мнение ее изменилось немного. Точнее, усложнилось. Все сельские мужики – сволочи, а вот городские – не все! Так она теперь думала, и пример перед глазами имела, которым можно было бы свою точку зрения в любом телевизионном ток-шоу аргументировать.

Вспомнила, как Михаилу Яковичу про беременность свою сообщила! Как он побелел сразу! Как за сердце схватился!

А потом, где-то через недельку, новость – хату продал и из села выехал куда-то!

Бегство первого учителя Ирину озадачило. Она просто поверить не могла, что вот так быстро может сельский мужик, даром что учитель, самоорганизоваться, продать жилище и исчезнуть в неизвестном направлении. Однако же в его хату сразу после отъезда бывшего хозяина вселилась цыганская семья: муж, жена и трое детей. Мужа вскоре за продажу наркотиков посадили. Через месяц и мать-цыганку с наркотиками милиция взяла, но потом отпустила. Стали к бывшей учительской хате по вечерам сельские парни приходить, им цыганчата за десять гривен кулечки с травкой для курения выносили. Длилось это недели три-четыре, а потом как-то под утро хату подожгли. Выгорела она дотла. Цыганка с детьми успела выскочить, но волосы у нее обгорели. Ирина, уже с животиком и с тошнотой по утрам, ходила на пепелище посмотреть. Разглядела и диван сгоревший, на котором зародилась жизнь Яси. Поискала тщетно взглядом гобелен с пучеглазой русалкой, да не отыскала – тряпки ведь горят быстрее дерева. Больше она о первом учителе не вспоминала. До этой ночи. А чего сейчас вспомнила?! Задумалась Ирина, да в ответ плечиками голыми пожала. Нравился ей этот мысленный ночной

разговор с самой собой. Тишина и домашняя, и законная нравилась. Может, прохладно ей было чуток, но зато Яся, укутанная в одеяльце, делилась своим теплом с мамой.

А мысли опять на Егора переключились. Вспомнила она кафе с вешалками, и кофе «американо» вспомнила. Вспомнила, как неудобно было сидеть за столиком, не сняв пальто. Купить бы что-нибудь модное! Только на какие деньги?! За молоко ей платили шестьдесят гривен в день. Минус двадцать одну гривну на дорогу. Остается тридцать девять. Минус еда и мелочи для Яси. Остается ноль. Дырка от бублика.

Вечером после сериала показывали новости. На Донбассе шахтеры бастуют. Требуют отдать долги по зарплате. А в Англии стюардессы повысить зарплату требуют. Все в мире вокруг денег, вокруг зарплаты крутится! А что, если ей, Ирине, у начальницы прибавки попросить?! Ведь все за последнее время подорожало. Вон и гречка на пятьдесят копеек за кило поднялась, и детская смесь «малыш» – на сорок копеек! А сколько можно попросить?! Ну, хотя бы семьдесят гривен в день, а лучше – семьдесят пять!

Почему-то желаемое в мыслях у Ирины сразу стало действительным. И она пересчитала свой бюджет уже при новой закупочной цене на ее молоко, и вышло у нее, что уже буквально через три недели сможет она без всякого внутреннего неудобства пальто в том кафе на вешалку повесить.

И все-таки не жарко было в ее комнате. Забралась она под тяжелое ватное одеяло. Ясю рядышком положила. И заснула мгновенно, хотя сон ее ожидал короткий. Ведь до первого писка электрического будильника оставалось не больше часа времени.

17

Киев. Улица Рейтарская. Квартира номер 10

Странная сила подняла Семена в час ночи. Одеда его и обула. И вывела на хрустящую снегом под ногами улицу. Вышел он на угол трех кафе. Остановился перед круглым траурным веночком, висящем на гвозде, вбитом в стену. Постоял недолго, рассматривая веночек нервным, но любопытным взглядом. Потом пересек Ярославов Вал и, дойдя до верхнего истока улицы Ивана Франко, направился по ней вниз. Ступал осторожно и аккуратно, стараясь не поскользнуться. Однако после двух десятков шагов не удержался на ногах и грохнулся со всей силы, ударившись бедром о покрытую гололедом ступеньку. Присел на минутку, растирая рукой сквозь джинсы ушибленное место. Дальше спускался, держась за железный заборчик-поручень.

А Вероника в это время спала. «Южный» сон, в котором она видела гостиницу в Египте, ну, почти такую же, в какой они в прошлом году с Сеней отдыхали, согревал или даже разогревал ее воображение. Она чувствовала кожей щек касание лучей африканского солнца. Она не боялась сгореть, ведь ее нежная кожа была уже пропитана молочком от солнечных ожогов. При желании она могла бы за мгновение подвинуться в тень. Тень от большого зонта начиналась буквально в двух сантиметрах. Но ей хотелось побаловать себя теплом. Она лежала на приятно горячем чистеньком песке, а сверху ее ласкало солнце. И все-таки благоразумие победило, и она просто перевернулась на живот и оказалась в тени. И сразу почувствовала нежный теплый ветер, или, точнее, легкий ветерок. И этот ветерок шевелил ее русые волосы, уже высохшие после купания в бассейне. Ей бы еще нежиться и нежиться, но вдруг захотелось пить. Ведь жара! И она приоткрыла глаза, тут же забыв про Египет и про солнце. Опустила ноги на пол, покрытый ковром. И, думая о бутылке «Миргородской», стоящей на кухонном столе, обернулась, посмотрела на подушку мужа, ожидая увидеть его макушку. Он всегда засыпает, уткнувшись носом в подушку. Но мужа в постели не было. Вероника на всякий случай провела рукой по одеялу. Дотронулась до мужниной подушки. И забыла о своей жажде, забыла о бутылке «Миргородской», как несколько мгновений назад забыла об «египетском» сне.

Набросила свой махровый халат. Посмотрела из окна на безлюдную улицу, освещенную фонарями. Присела в кресло. Озабоченно пожала плечиками. Вышла в коридор, где на вешалке вечером висела теплая куртка Семена. Куртки на месте не было, как и зимних спортивных ботинок.

Вероника вспомнила, как недавно стирала его рубашку. Вспомнила и его, заснувшего в кресле, а потом, когда проснулся, доказывавшего ей, что он никуда ночью не ходил.

Ей стало не по себе. Стало холодно. И она на всякий случай потрогала пальцами белую итальянскую батарею под окном. Батарея оказалась очень горячей.

Вероника ощутила, как внутри у нее нарастает беспокойство. Она испугалась. Она не хотела нервничать. «Надо заснуть!» – сказала она себе.

Сбросила халат и нагишом (а спала она всегда в костюме Евы) забралась под одеяло. Ночь сжалась над Вероникой, и она вскоре заснула. И почувствовала через какое-то время, как ей стало уютно и спокойно. Потому что рядом под тем же одеялом спал Семен, потому что их тела соприкасались, и в этом соприкосновении рождалась и продолжалась особая нежность, которая добавляла радостной сладости в их оба сна.

А утром, когда Семен проснулся и ходил в трусах по комнате, Вероника заметила у него на бедре огромный синяк.

– Где это ты так? – спросила она, показывая взглядом на ушибленное место и лихорадочно пытаясь разобраться: что из пережитого ею этой ночью было сном, а что – реальностью.

Семен остановился. Бросил на свой синяк удивленный взгляд, будто видел его в первый раз. Впрочем, это и был первый раз.

– Не знаю, – сказал. – Может, на кухне, об угол стола?

Телефонный звонок прервал их разговор. Трубку подняла Вероника.

– Никочка, – прозвенел голос Дарьи. – У меня к вам просьба! мне надо в парикмахерскую, а я вчера вечером не успела веночек снять! Вы же там рядышком живете? Снимите, пожалуйста!

– И куда его? – спросила Вероника.

– Пускай у вас до понедельника полежит, а я потом сама заберу!

– Хорошо, – сказала Вероника в трубку.

– Ты надолго? – спросил ее Семен, заметив, что жена стала куда-то собираться.

– Сейчас вернусь, – ответила она. – Хотя я еще в магазин за булочкой зайду...

Оставшись один, Семен долго разглядывал свой синяк на бедре. Во всем теле он чувствовал усталость и разбитость. Почему-то хотелось спать, но через час за ним заедет машина. Несколько депутатов решили устроить себе субботнее катание на лыжах с последующим пикником. Костер, шашлычок и воткнутые в снег лыжные палки – уже знакомая, не раз виденная картинка возникла в воображении Семена. Главное – самому потеплее одеться. Но сначала – кофе, крепкий кофе! Иначе утро внутри Семена не настанет.

18

Город Борисполь. Улица 9 Мая

Вернулся Дима домой в хорошем настроении. Все его радовало. И снежок, хрустящий под ногами на пороге дома, и уютное тепло дома. И даже красноватое лицо Вали, выглянувшей в коридор из кухни и спросившей голосом, в котором не было ни грамма надежды: «Ну что, нашел?»

– Видели его, – ответил ей Дима, оббивая веником налипший снег с тяжелых форменных ботинок. – На краю города, возле баптистской церкви.

Достал фотографию из кармана пиджака. Протянул жене.

– Вставь обратно! Скоро придется черную полосочку отклеивать!

Диме показалось, что на лице Вали на мгновение улыбка появилась. Он и сам улыбнулся, но по другому поводу. Подумал, как легко все-таки женщинам врать-то! Они словно этого и ждут!

Около семи, когда за окном опять шел снег, а по ICTV передавали прогноз погоды, в дверь стукнули кулаком.

Пришел Борис. Пришлось Диме одеваться.

Зашли они в гараж. Дима свет включил, да и штепсель «электрокозла» в розетку вставил. Уселись они, и тогда рассказал Дима грузчику про свой короткий разговор с начальником.

– Да, – выдохнул Борис. – Может, они и знают, что там внутри... Но если б что-то серьезное – искали бы погромче, с шумом!..

Дима кивнул. Теперь и ему показалось, что не таким уж серьезным был вопрос начальника. Ну, спросил про чемодан. А потом: «Ладно, иди!» Разве это поиски?

– Знаешь, – Борис поднял глаза на Диму. – Давай я этот чемодан у забора аэропорта брошу, недалеко от «VIPовского» терминала. Захотят снова искать, пусть там ищут!

Мысль показалась Диме здоровой, и он достал две стопочки и бутылку самогона на крапиве.

Когда выпили, Дима предложил товарищу по краже просто разделить товар на три части, и пускай каждый сам своей частью занимается!

Грузчик думал минуты три.

– Я ведь уже под дурачка сыграл раз, – сказал он. – Пришел в Киеве в аптеку на Владимирской, с ампулой. Попросил мужика в халате проверить, против чего она. Сказал, что на рынке с рук купил, как лекарство от рака...

– Ну? – заинтересовался Дима.

– Что «ну»? – внезапно рассердился Борис. – Ничего! Он ей горлышко скрутил. Долго принюхивался, на стеклышко капнул, на свет посмотрел и плечами пожал. Сказал, что это на какое-то «стекловидное тело» больше похоже, чем на лекарство от рака.

Дима хмыкнул.

– Так что, будем делить? – спросил снова.

Борис махнул рукой. Мол, хрен с тобой, согласен.

Вытащил Дима две сумки, газету «Демократическая Украина» на цементном полу расстелил, и поделили они коробочки с ампулами на троих. Оставалась одна лишняя, но Дима ее Борису отдал.

– Я у тебя сумку одолжу, – сказал Борис.

Уходил он из гаража с сумкой, в которой лежали две доли ампул, его и Жени, и с поцелованным чемоданом. Закрыл за Борисом Дима ворота гаража, а сам внутри остался. Его укромный уголок как раз прогрелся от раскаленной спирали, на кусок асбестовой трубы намотанной. Жалко было Диме, что это тепло так просто пропадет. Налил он себе еще стопочку самогонки.

Выпил. Опустил взгляд на пол, где его доля коробочек с ампулами на газетке лежала. «И что с ними делать? – подумал. – Может, выкинуть?» Но голова не хотела искать ответ на этот вопрос. Дима вдруг вспомнил, что завтра с утра на смену. А значит, надо спать. И спать он будет этой ночью хорошо и крепко, потому что нет у него больше в гараже черного пластикового чемодана, и ампул чужих нет, а значит, не будут его больше беспокоить грузчики Женя и Борис. Ну, а что со своей долей ампул делать – он еще придумает!

Вернулся он домой. Улегся под одеяло и засыпать стал. Он бы и заснул сразу, если бы не вздумалось Вале мужа собой побаловать в благодарность за его поиски Мурика. Нехотя принял Дима Валины ласки. Принял и сразу заснул. И она заснула сразу, без всякой обиды на мгновенную утомляемость своего мужа. Он всегда таким был. Да и она такая же. Чего уж там!

19

Киев. Улица Грушевского

Маршрутка укачала Ирину мгновенно. Гул мотора прорывался в ее дрему, но совершенно не мешал. Водитель Вася вел свою «газель» молча. Зимняя дорога была, видимо, заснеженной, чем обычно. Вот и в дреме Ирина просто телом своим почувствовала пару раз, что маршрутка едет не прямо, а виляет из стороны в сторону.

И проснулась Ирина, из скорлупы своей дремы выглянула, как раз к тому времени, когда «газель» должна была у метро тормозить. Но к этому моменту сегодня неторопливая маршрутка только взбиралась на последний холм, с которого уже и город – как на ладони. Он ее, Ирину, окончательно и пробудил, этот город. Сначала везде темнота ночная, и по ходу маршрутки, и по обеим сторонам. А потом выныривает перед тобой зарево городских огней, и хоть не близко до них, километров с десять, а сердце уже ускоряет свой «тик-так», по которому только состояние души можно сверить, но никак не часы, не время.

Конечно, все это обман, вся эта иллюминация. Просто реклама городской жизни. Ведь огни горят, но город еще спит. Просто притворяется вечно бодрым. Вот село – честное, но бедное. Если спит село – ни одного огонька не видно!

В первом поезде метро народу было больше обычного. Ира даже удивилась. Но, присмотревшись к пассажирам, поняла, что все они, или почти все, были такие же, как она, – приезжая кровь города.

Выйдя из метро «Арсенальная», Ирина остановилась сразу за стеклянными дверьми наружного здания станции. Перед ней на площадке лежал нетронутый снежок. Пушистый и искристый. Вот сейчас оставит она на нем свои следы. Потом кто-то сможет по ее следам пройти и узнать ее путь. Ведь она сегодня опять первой вышла здесь на улицу.

Уже подходя к серому «сталинскому» дому, к парадному, над которым висит табличка, указывающая номера квартир «25–37», вспомнила Ирина все свои ночные раздумья. Поправила пуховый платок. Вдохнула морозного воздуха и зашла.

Нянечка Вера встретила ее радушно. Заставила сначала чашку чаю в кухоньке выпить, а потом уже в кабинет отвела, где воздух, нагретый кварцевой отопительной лампой, словно сам предлагал раздеться.

Освободив груди от молока, Ирина съела две миски подслащенной овсянки, снова чаю выпила. И отправилась на улицу молоко для «второй смены» нагуливать. Уже одевшись, остановилась в проеме двери, на нянечку Веру оглянулась.

– А начальница когда приходит? – спросила.

– Нелли Игоревна? Да часиков в десять ее привозят! Замерзнешь, возвращайся пораньше, у меня варенье малиновое есть!

На утреннем снегу уже тропинки вытоптали. И одна из тропинок прямо от парадного вела к переходу через дорогу. На другой стороне, правда, тропинка доходила только до транспортно́й остановки и там превращалась в большое вытопанное темное пятно.

Ирина прошла через парк до смотровой площадки. Остановилась у перил. Хотела город на другом берегу рассмотреть, но увидела приближающуюся метель. Даже не метель, а просто приближающийся с того берега снегопад. Смыл сначала этот снегопад своей белизной дома и половину моста Метро. Потом и сам Днепр пропал, и мост за снегом спрятался. А еще минут через пять посыпался белый снег прямо на нее, на ее платок, на пальто. Она ладошку небу подставила и увидела, как целая стая крупных снежинок на нее опустилась и стала таять.

Оглянулась по сторонам – ни Мариинского дворца, ни деревьев не видно. Сказка, да и только! Вот бы Яся чуть постарше была. Она бы как удивилась этой красоте!

Ветер усилился, стал холодом щеки покалывать. Решила Ира на молочную кухню вернуться. Вспомнила о малиновом варенье.

– У вас все в порядке? – напугал вопросом появившийся из метели мужчина в длинном черном пальто. Он всматривался в лицо Ирины напряженным взглядом. В его правом ухе торчал точно такой наушничек, как и у Егора.

– Все хорошо, – проговорила Ирина и улыбнулась ему.

И он тут же исчез. Шагнул назад, за белую непрозрачную стенку падающего снега.

– Ой, как тебя засыпало! – воскликнула нянечка Вера, впуская Ирину в коридор. – Давай быстрее раздевайся и на кухню!

Ирина струсила снег с платка. Повесила его аккуратненько. Пальто на другой рожок деревянной стойки-вешалки определила. Посмотрела на двойные двери в конце широкого коридора. Подошла, слушая стук грубоватых каблучков своих сапожек. Вернулась к вешалке. Переобулась в тапочки, вытащенные из сумки. И снова к двойным дверям. Приоткрыла их чуть-чуть, на щелочку. В эту щелочку посмотрела. Увидела женщину лет пятидесяти с собачкой-мопсиком на руках и мужчину в костюме с тройным подбородком. На лацкане пиджака – депутатский значок. Удивилась отсутствию детей.

За спиной хлопнула входная дверь. Оглянулась. Двое мужчин в зеленых комбинезонах занесли большой молочный бидон. Поставили под стенкой и за следующим, видимо, вышли. Обычно они по три бидона за раз привозили.

Чай с малиновым вареньем поднял Ирине настроение и согрел. У нянечки Веры в кармане белого халата зазвонил мобильный. Она суетливо вытащила его, нажала кнопку, поднесла к уху.

– Да, Нелли Игоревна, привезли! Ой боженьки, как же это?! Хорошо. И Иринка здесь, мы вдвоем справимся!

Спрятав телефон, нянечка Вера озабоченно оглянулась на открытые двери, через которые были видны три молочных бидона, стоявшие в коридоре.

– Охранников начальницы кто-то побил, – поделилась новостью старушка. – В больницу оба попали. Теперь некому эти бидоны в процедурную носить. Ты мне поможешь?

– Конечно, – с готовностью ответила Ира.

Они быстро допили чай.

– Возьми, надень! – передала нянечка Ире чистенький белый халат. – Без этого туда никак нельзя!

Ира посмотрелась в маленькое зеркало, висевшее на кухне над мойкой. В халате она была похожа на медсестру.

Взялись они вдвоем за ручки бидона. Приподняли его, и у Ирины чуть ноги не подкосились. Такой тяжести ей в жизни еще не приходилось носить.

– А мы рывочками, – сказала нянечка, заметив на лице Ирины растерянность.

Раз двадцать поднимали и опускали они первый бидон, пока до двойных дверей его не переместили. Вера явно умаялась, но не жаловалась. У Иры заболели руки и плечи.

– Надо сделать, начальница попросила, – проговорила грустным голосом старушка-нянечка. Открыла половинку двойной двери. Взялись они вдвоем снова за «уши» бидона, переставили за дверной проем. Потом до третьих дверей слева добрались. Внутрь занесли. Там, в комнате, полностью облицованной голубым кафелем, особая медицинская ванна стояла. На внешней ее боковинке – пульт управления. Кнопочки, ручки, лампочки какие-то. Таких ванн Ира никогда не видела. Даже по телевизору. В углу металлическая стоячая вешалка с чистенькими белыми махровыми халатами. На полу под вешалкой несколько пар одинаковых пушистых белых тапочек.

– Ну, Ирочка, надо поднапрячься, – устало выдохнула старушка. – Надо молоко туда, в ванну вылить.

– Мы не сможем, – испугалась Ирина, у которой уже и живот заболел.

– Как не сможем?! Посмотри на меня, мне уже шестьдесят семь! А я не жалуюсь!

Вера откинула крышку бидона. Взяла двумя руками за «ухо», Ира взялась за второе.

– Это несложно, – снова заговорила старушка. – Главное наклонить его правильно, чтобы не разлить...

С третьей попытки удалось им вылить молоко из бидона в ванну. Пустой бидон, хоть и был он не легкий, показался Ирине почти пушинкой, когда они его на свою половину коридора заносили.

– А зачем туда молоко выливать? – спросила Ира, когда остановились они возле второго бидона.

– Это козье, – небрежно ответила Вера. – Для процедуры.

Следующие два бидона не смогли перелить они в ванну без посторонней помощи. Хорошо, что доктор из соседнего кабинета откликнулся на просьбу нянечки Веры. Он еще на часы посмотрел, когда последний бидон в ванну вылили. Головой недовольно покачал. «Хорошо, что Геннадий Ильич всегда опаздывает!» – сказал.

Следующая чашка чая дрожала в руке у Ирины, как живая. Все у Иры болело теперь, после этих бидонов. И плечи, и руки, и живот, и даже колени. Такое состояние у нее уже было – после родов. Но тогда, несмотря на боль и усталость, ее настроение было лучезарным и радостным.

Подшло время второго сцеживания. Чашка-присоска аппарата неприятно кольнула грудь холодом. Вся процедура механического сцеживания в этот раз показалась крайне неприятной и раздражающей.

Женщина-врач со спокойным безразличным лицом придерживала присоску. Верочка сидела рядом и виновато молчала. Точнее, просто молчала, а на ее лице жалость была написана. Жалость и утомленность. Морщин у нее на лице много было, и настроение старушки они выдавали лучше любых предателей. А может, сама она ими управляла, чтобы лишних слов не говорить, а все лицом показать.

Молча она и мокрую салфетку Ире протянула, чтобы та груди обтерла ею перед тем, как одеваться.

– А начальница где сидит? – спросила Ира у нянечки, уже застегнув красную шерстяную кофточку на все пуговички.

– Да там, напротив процедурной, где ванна стоит.

Идя по коридору, Ирина чувствовала каждое свое движение. Когда осторожно открыла половинку двойной двери, ощутила неприятное напряжение в кисти. Остановилась перед закрытой дверью в комнату с ванной. Остановилась потому, что услышала низкий мужской голос, напевающий какую-то старую, знакомую песню. Постояла минутку, прислушиваясь. Плеск молока в ванной донесся до ее ушей. «Вышли мы все из народа!» – на фоне этого плеска негромко пел в процедурной какой-то мужчина.

Ирина постучала в дверь напротив.

– Да, пожалуйста! – услышала приветливый голос начальницы.

– Чего тебе? – голос начальницы резко изменился, как только в дверном проеме показалась Ира. – Сюда без приглашения нельзя!

Начальница сидела за красивым темно-коричневым столом, на котором стоял компьютер. За ее спиной на широком подоконнике стоял целый зимний сад – не меньше десятка вазонов с молодыми пальмами и плетущимися вверх по ниточкам, уходящим к карнизам, растениями.

– Нелли Игоревна, – Ирина собрала всю свою решительность и попыталась вложить ее просто в силу собственного голоса. – У меня к вам просьба...

– Ну? – начальница смотрела на молодую женщину с показательным пренебрежением. – Чего надо?

– Вы не могли бы поднять мне зарплату... Хотя бы... до семидесяти...

Глаза Нелли Игоревны наполнились гневом. Лицо покраснело. Она расстегнула верхнюю пуговичку своего бордового жакета, словно ей не хватало воздуха.

– Ты же и так почти четыреста долларов получаешь! И тебе мало?!

– Да, но ведь я за дорогу... – Ирина не договорила, по щеке поползла слеза.

– А кормежку свою тут ты считала? Да я на твое место!.. Мне за час найдут женщину, которая за меньшие деньги сюда приезжать будет! Поняла?!

Слезы уже бежали по обеим щекам Ирины. Она кивнула и вышла в коридор. Остановилась перед вешалкой. Медленно переобулась, взяла в руки свой изумрудный пуховый платок. Услышала, как на кухне звякнул телефон.

За ее спиной прошла на другую сторону коридора старушка-няня и тут же вернулась с коробкой конфет в руках.

– Вот возьми, – сказала Ирине, уже надевшей пальто. – От начальницы.

Ирина взяла коробку. Сумочку в другую руку. И вышла, даже не попрощавшись с Верой. Ей так хотелось поплакать. Но не самой себе, а кому-то. Пусть это и некрасиво!

Снегопад на улице продолжался. Начинало темнеть. Ранние зимние сумерки подчеркивали сказочность и волшебность уличных фонарей, приглушенных летящим снегом.

– Погуляю по парку, – сказала сама себе Ирина, подходя к зебре перехода.

Всмотрелась в сигнал светофора, тоже размазанный падающим снегом. Подумала: «А вдруг Егор тоже там, в парке».

Пошла через дорогу, прислушиваясь к щемящей боли в коленях. Услышала, как кому-то рядом машина засигналила, и тут же ее с ног сбило и куда-то бросило. Она летела с открытыми глазами. Ей казалось, что летит она спиной к земле, а лицом к небу. И видит, как снежинки остаются позади ее полета. И вдруг удар. И небо, еще мгновение назад такое снежно-белое, темнеет. И только колени продолжают щемить. И мир вокруг уменьшается, сдувается или отдаляется, в рулон скатывается, в маленькие коробочки складывается, словно декорация для кукольного театра.

20

Киев. Конча-Заспа

Суббота была освежающе морозной, но Семен не чувствовал себя свежим. Включиться в «режимное состояние» (так он сам называл процесс обеспечения чьей-нибудь безопасности) ему не составляло особого труда. Просто привычка. В каждом мужчине спит солдат. При этом спит он 24 часа в сутки и вскакивает только по особой внутренней команде. Если научиться этим собственным солдатом командовать, то можно достичь любой цели, чаще всего карьерной. Но мужик нынче пошел гражданский, изнутри и снаружи. Цель жизни – расслабление конечностей и головы. А таких вот, как Семен, на земле очень мало ходит. Но зато уж если он скомандует своему внутреннему солдату, то тот встанет и будет бодрствовать и служить сутками. Так что, конечно, свежесть тела – это плюс, но не основной, а дополнительный.

За рулем «нивы» сидел Володька, давний друг Семена. Они уже выехали на старую Обуховскую трассу. До места лыжной прогулки оставалось километров десять.

– Знаешь, – сказал Семен Володьке, – у меня к тебе просьба будет... Деликатная.

Володька бросил взгляд на своего шефа и приятеля.

– Надо будет последить пару ночей...

– Мужчина? Женщина? – спросил водитель.

– Мужчина, – выдохнул Семен.

– Добро, – кивнул Володька.

– Все будет оплачено, – добавил Семен.

– Когда начинать?

– Можно завтра, около полуночи.

– Фотку дашь?

– Не понадобится. Ты его знаешь.

– Кто-то из наших? – в голосе Володьки послышались нотки напряженной подозрительности.

– Ага, – Семен тяжело вздохнул.

И Володька подумал о предателях. О тех, которых ловили и расстреливали в старых советских фильмах о войне и о шпионах. Он мысленно перебрал всю их немногочисленную команду, которую собрал вокруг себя Семен, чтобы начать это относительно несложное охранное дело. Все были нормальными ребятами. Были или казались.

– Кто это? – спросил Володька, бросив серьезный взгляд на Семена. – Назови!

– Все останется между нами, – проговорил Семен, хоть и понимал, что это совершенно не нужное предупреждение может обидеть Володьку. У настоящих мужчин не бывает лишних или не вовремя сказанных слов. – Дело в том... – заговорил было снова Семен, но осекся. Замолчал.

– Я слушаю, – не отрывая взгляда от хорошо почищенной от снега дороги, произнес Володька.

– В последнее время, – в голосе Семена появилось больше твердости, – со мной что-то не в порядке... Я хотел тебя попросить последить за мной...

Володька притормозил, съехал на снежную обочину, прямо под сосны леса, растущего по обе стороны трассы. Обернулся к Семену, молча уставился ему в глаза.

– Ты в порядке? – спросил он.

Семен отрицательно мотнул головой.

– Я не в порядке, поэтому и обратился к тебе с этой просьбой.

Володька в раздумье жевал губы.

Семен посмотрел на часы.

– можем опоздать, – сказал спокойно, холодным рабочим тоном без интонации. – Последись?

– Ждать с полуночи под твоим домом? – спросил Володька.

– В доме напротив на втором этаже есть окошко. Прямо на лестничном пролете. Там теплее и незаметнее. Если я буду делать что-то странное – останови. Можешь силой.

Володька снова вывел машину на трассу. Минут через пять они остановились на развилке, в самом начале лесной дороги, хорошо укатанной широкими шинами джипов. Остановились возле «девятки», в которой сидели еще трое крепких мужиков. Теперь вся команда была в сборе. До приезда «лыжников» оставалось полчаса. Но первая машина, двое парней из obsługi «лыжников», уже проехала дальше по лесной дороге. Им надо было обустроить место пикника. Расставить мангал, раскладные стулья и столик.

Семен убедился в профессионализме этих двух ребят очень скоро. Когда они, пропустив вперед на лесную дорогу два джипа с украинским флагом и трехзначными числами на госномерах, сами заняли места в хвосте «конвоя» и выехали на большую поляну, поляна скорее напоминала стационарное место отдыха – в мангале горели дрова. Большой квадрат снега был укатан или вытоптан, превращен в уютную пикниковую площадку, на которой стоял столик, накрытый клеенкой. Вокруг – четыре деревянных стульчика. Автомобильный ящик-холодильник красного цвета как бы добавлял в эту идиллию мысль о высоких технологиях комфорта.

Как только «оцифрованные» джипы остановились, ребята подскочили к машинам и отстегнули от верхних багажников четыре одинаковые пары лыж «Соломон».

Двоих «лыжников» Семен хорошо знал: Геннадия Ильича и еще одного депутата от оппозиции, любившего давать телевизионные интервью. Двое других были ему не знакомы. Да и неважно ему было, кто есть кто.

Он просто подошел к мужикам явно не спортивного телосложения, но в очень спортивных лыжных костюмах, поздоровался только с заказчиком. И сразу отошел к своим ребятам.

«Ниву» отогнали метров на двести в сторону старой Обуховской трассы и там оставили. «Девятку» отогнали дальше по лесной дороге. Включили радики и разошлись по периметру. Главное правило – как можно меньше бросаться в глаза заказчикам. Они отдыхают, в том числе и глазами. Снег – он как белый листик, который обычно телеоператор подносит к лицу диктора перед съемкой, чтобы сбалансировать камеру. Вот и для обычных глаз: смотреть на снег – полезное удовольствие. Чем больше белого перед тобой, тем чище взгляд, тем легче мысли. Тяжелые мысли как-то не вяжутся с белым цветом.

Ну а для Семена и ребят зимний лесной воздух все равно что стакан апельсинового фреша. Стволы у сосен тонкие. Лес еще молодой, а значит, просматривается отлично. Работа будет не сложная, а к первым сумеркам «лыжники» обязательно умят свой спортивный пыл и усядутся за столик. Будут водку пить, шашлык есть и о деньгах государственных и собственных говорить, регулярно их путая. В сумерках, конечно, опасности больше, но все эти заказчики-депутаты живут с собственным страхом, как с женой, – почти не расставаясь. Они знают, почему они должны бояться. Каждый знает, за что его могли бы наказать. Но никто не знает в лицо исполнителя наказания.

«Лыжники» уделили лыжне не больше получаса. После этого один из ребят obsługi все лыжи обратно к верхним багажным решеткам джипов пристегнул и превратился в официанта.

Семен стоял под сосной метрах в сорока от полянки. Слушал звонкое щебетание зимних птиц. Думал о Веронике. Думал, что надо быть к ней нежнее и добрее. Думал, что цветы иногда приносить домой надо. Думалось ему на легком морозе приятно.

Уже и запах шашлыков до его носа долетел. И сумерки начали опускаться. Застольные разговоры «лыжников» стали громче, и до ушей Семена иногда долетали целые фразы. И понял Семен, к своему удивлению, что «лыжники» о церкви спорят, какая, мол, церковь лучше.

Костер снова разожгли, но в этот раз явно для романтики, а не для новых шашлычных углей. Запах от костра шел еловый, смолянистый. А на сосновых углях шашлык не делают. Это каждый мальчишка знает.

Наконец разговор затих, и понял Семен, что пикник подходит к концу. Приблизился к полянке. Подождал, пока «лыжники» из-за столика поднимались. Двое отошли к мангалу, в котором горел, потрескивая, костер. Двое остались у столика.

– Сворачиваться? – спросил Семен у одного из парней obsługi.

Парень жестом попросил не торопиться.

Вскоре он сам подошел к Семену.

– Геннадий Ильич просит за нами ехать, – сказал. – Тут недалеко, в его усадьбу.

Геннадий Ильич, перед тем как садиться в машину, поманил Семена пальцем.

– Ко мне поедem, – сказал приветливым, но усталым голосом. – Хочу друзьям кое-что показать. Твоим чаю нальем, – кивнул он на ребят-охранников, стоявших поодаль.

«Нива» и «девятка» ехали следом за тремя джипами. Выехав на трассу, повернули направо, в сторону Обухова. Километров через десять свернули налево, и пошла асфальтовая дорога петлять вдоль высоких заборов, за которыми росли такие же высокие молодые сосны, как и в лесу по другую сторону трассы.

Наконец джипы притормозили и заехали в открытые ворота. «Нива» и «девятка» остались на дороге у забора. Семен с Володькой прошли на территорию. Ребятам Семен дал команду из машины без необходимости не выходить.

За забором прямая освещенная приземистыми фонарями дорога вела прямо к массивному трехэтажному особняку.

– Эй, Сеня, побыстрее давай! – донеслось со стороны джипов, стоящих уже у ступенек особняка.

Семен прибавил шаг. Они подошли к четверем «лыжникам», и тут же «лыжник» Геннадий Ильич повел их решительной походкой по расчищенной тропинке за особняк.

Тут уже не было никакого освещения. Снег в сумерках казался серым, а стволы сосен – акварельно-черными.

– Все тут? – спросил командирским голосом хозяин усадьбы.

И, не ожидая ответа, посветил карманным фонариком на ближайшее дерево, к стволу которого был прикреплен железный ящик с красным зигзагом предупредительной молнии на крышке. Хозяин открыл крышку и, подсвечивая себе фонариком, взялся за ручку рубильника и резко поднял ее вверх. Сверкнула искорка, но куда ей было тягаться с несколькими мощными прожекторами, укрепленными на высоте десяти-двенадцати метров над землей на сосновых стволах. Прожекторы с трех сторон осветили выстроенную из красного кирпича церковь с тремя позолоченными куполами. Высокую, могучую, намного превосходящую своей архитектурной энергией трехэтажный особняк хозяина.

– Ну, как?! – спросил Геннадий Ильич, наслаждаясь удивлением на лицах приглашенных. – Пошли, зайдем! – махнул он призывно рукой и направился к кованым воротам церкви.

Внутри Семену показалось холоднее, чем снаружи. Несколько лампочек горели на внутренних стенах. На каменном полу лежали разобранные строительные леса.

– Петя, где коньяк? – спросил хозяин у своего помощника, и тот вылетел из церкви как пуля. Зато гулкое эхо его быстрых шаркающих шагов еще, казалось, звучало, когда он вернулся с бутылкой «Хэннеси» и одноразовыми пластиковыми стаканчиками в руках.

– На первую службу всех приглашу! – пообещал хозяин. – А пока давайте выпьем за Бога! Чтобы он никогда нас не покидал!

Володька и Семен отошли чуть в сторону. Хозяин знал правила и им коньяка не предлагал. Правда, и обещанного чаю они не дождались.

Семен не мог не улыбаться, рассматривая четырех крупнотелых мужиков в костюмах лыжников, пьющих в церкви коньяк из пластиковых стаканчиков за Бога. Володька все задирает голову, пытался рассмотреть внутренний купол церкви, но это ему не удавалось. Свет дежурных лампочек был обманчив и создавал иллюзию низкого потолка. Эта иллюзия и озадачила Володьку.

Уже вернувшись в город, обе машины остановились на Набережном шоссе. Там Семен раздал ребятам по сотке долларов, полученных от заказчика. Себе, как начальнику, оставил две сотки.

«Девятка» продолжила свой путь в сторону Подола. Володька подвез Семена к дому.

– Так что? Завтра с полуночи? – спросил.

Семен кивнул.

Только остановившись у своей двери, Семен посмотрел на часы – половина первого.

«Вероника, наверно, спит уже», – подумал он, открывая дверь.

Включил свет в коридоре, и в глаза ему тут же бросился венок, стоявший на полу под вешалкой. Перепугался. Замер на мгновение, перебирая в мыслях всех близких родственников.

«Да я его уже где-то видел!» – подумал Семен вдруг. Подумал и вспомнил угол Стрелецкой и внешнюю стенку кафе. Вспомнил разговор с женой о вдове аптекаря.

Выматерился шепотом и отправился спать.

21

Киев. Куруневка. Птичий рынок

Так уж совпало, что к женщине-кошатнице с птичьего рынка пришлось Диме ехать снова после ночной смены. Смена прошла на радость удачно. Шамиль вынюхал в сумке, прибывшей из Дамаска, полкило опиума. Дима вызвал, как положено, начальника смены. Составили акт. Пассажира тут же, возле выдачи багажа, тормознули и увели, но этого Дима не видел. Это уже не его с Шамилем заботы.

На развозке доехал домой. Умылся. Набрал номер кошатницы.

– Приезжайте за вашим Муриком, – сказала она. – Сейчас девять? Давайте на том же месте в одиннадцать! Только чуть дороже получилось. Семьдесят пять.

Подорожание уличного серого кота до цены дорогого коньяка заставило Диму молча скривить губы. Но женщина-кошатница этого даже не почувствовала.

– Хорошо, в одиннадцать, – сказал он и опустил трубку на аппарат.

Над Киевом синело яркое небо. Утрамбованный снег покрывал тротуары. Троллейбус восемнадцатого маршрута ехал неспешно. Пассажиров было мало. Дима сидел на заднем сиденье. Теплая турецкая куртка на синтепоне грела хорошо, как и обещал ему продавец на базаре. Под старые форменные брюки он поддел шерстяные кальсоны. Так что никакой мороз ему не страшен. На коленях пустая хозяйственная сумка для кота. Пришлось из нее ампулы обратно на газетку в гараже выкладывать.

– Это еще не птичий? – спросил он у вошедшего на остановке старика с двумя кульками, полными пустых пивных бутылок.

– Следующая, – ответил старик и уселся рядом, опустив звенящие кульки на резиновый пол.

Остановившись у примеченного еще в свой прошлый приезд «кафе-разливайки», Дима посмотрел на часы. До встречи оставалось десять минут. Зашел, взял пятьдесят грамм водки. Опрокинул в себя и почувствовал, как бодрость его тела приумножается.

Женщину-кошатницу заметил издали. Она была в той же одежде и на том же месте. И корзина у ее ног была та же, а рядом с корзиной – серый мешок.

Подождал, поздоровался. Достал из кармана деньги, отсчитал ей семьдесят пять. Она кивнула на мешок:

– Забирайте!

– Кота в мешке? – хмыкнул Дима, а потом, сообразив, что сказал, рассмеялся весело. Ведь действительно – кот в мешке.

Она развязала мешок, припустила его, и увидел Дима огромного и толстого серого кота, явно куда более крупного, чем их покойный мурик.

– Да он же... – развел руками Дима. – Он же толстый...

– Да, жрет, как не в себя! Поэтому и подорожал...

– Но он же на бродячего не похож...

– мурик, мурик! – позвала его показательно женщина, и он тут же повернул к ней свою сытую морду и мяукнул. – Видите? Неделю дрессировала.

– мурло, – полусшепотом произнес Дима, глядя сверху вниз на этого серого толстяка с хвостом.

Кот с любопытством посмотрел на Диму.

– Берите, берите! Такого второго нет! – скороговоркой протараторила женщина, явно желая избавиться от покупателя побыстрее.

– С мешком? – мрачно спросил Дима.

– Ага, это бонус!

Дима присел на корточки. Переложил кота в хозяйственную сумку. Туда же, в сумку, положил пустой мешок. И, не попрощавшись, отправился к выходу с птичьего рынка. Настроение упало. Кот весил явно больше десяти кило. К такому коту никакой жалости возникнуть не могло. Ни у кого. Тем более, у Вали.

Доехав до своей улицы, Дима занес сумку с котом в гараж. Оставил ее там, а сам зашел в дом.

– Где ты ходишь? – встретила его вопросом Валя.

– Да так...

– К церкви не ходил?

– Сегодня нет.

– Пойди, – попросила она. – Может, Мурика найдешь!

Диме на самом деле хотелось плотно пообедать, а не идти к баптистской церкви. Но спорить с женой он не стал. На порцию пельменей деньги у него были, а пообедать в одиночестве – это даже не так уж и плохо. Особенно тогда, когда надо решить: что делать с этим толстым котом, отзывающимся и на Мурика, и на Мурло, и, наверно, на любую другую кличку!

В ближайшем вагончике-кафе за тарелкой горячих пельменей и решил Дима, что надо кота на несколько дней без еды в гараже оставить. Пока не похудеет. А потом можно его и домой нести. Она, Валя, все равно его на радостях закормит!

Выходя из вагончика-кафе, Дима увидел приклеенное на столбе объявление.

«Продается импортное лекарство от рака. 1 ампула – 20 у.е. Звонить по тел. 8 063 4320985, спросить Женю».

– Ага! – кивнул, улыбаясь, Дима. – Лохотрон закрутился!

И отправился домой докладывать, что Мурика возле церкви сегодня утром видели, но он его не нашел. Придется еще пару раз на его поиски сходить.

22

Киев. Улица Грушевского

– Ира! Ирочка! – знакомый мужской голос, первый раз звучащий так озабоченно, раскрыл ей глаза.

– Егор? – спросила она.

В помещении было желто от света трех направленных ламп, укрепленных на удивительно низком потолке.

– Вы, главное, не беспокойтесь! Кости у вас целы. Только ушибы и синяки, – Егор наклонился над лицом Иры, ободряюще улыбнулся ей.

– Не приуменьшайте! – раздался рядом другой, незнакомый мужской голос. – Сотрясение мозга наверняка есть!

Ира повернула голову набок и увидела врача в белом халате. Молодой парень с тонкими усиками, тонким носом. На голове лысина и в одном ухе малюсенькая серебряная сережка.

Ира осмотрелась. Поняла, что лежит в машине «скорой помощи» на носилках. В квадратике окошка – темно. Внутри, в теле, как-то пусто и гулко.

– А куда вы меня везете? – спросила.

– Никуда, – спокойно ответил доктор. – Вам полежать надо. Попробуйте пошевелить пальцами на руках и на ногах!

Ира пошевелила. Сразу и тело свое ощутило, и не таким уж пустым и гулким оно ей показалось. А пальцы на ногах уж как-то слишком легко зашевелились. Она приподняла голову, локтем помогла себе еще повыше приподняться, чтобы можно было на ноги посмотреть. А! Конечно! Сапоги-то они сняли, поэтому и пальцам на ногах столько свободы!

– Ира, я вас домой отвезу! Не бойтесь! Никаких больниц «скорой помощи»!

– Да уж лучше не надо, – кивнул доктор. – Там такой набор инфекций, что уж лучше сразу на кладбище!

– Мрачные у вас шутки! – упрекнул врача Егор. – Нет чтобы что-нибудь хорошее сказать!

– А вот вы поживите на восемьсот гривен в месяц, тогда я ваши шутки послушаю!

– меняйте профессию! – посоветовал доктору Егор.

– Я как раз об этом думаю, – кивнул лысоватый доктор.

Ира лежала на носилках, слушала разговор двух мужчин.

«может, я не права? – думала. – Вон доктор всего восемьсот получает, а я – тысячу восемьсот. И начальницу разозлила...»

Она тяжело вздохнула и закрыла глаза, уставшие от направленного света.

– Ну, поднимайтесь! – отвлек ее от размышлений Егор. – Сначала медленно опускаем ножки. Обуваемся...

Он сам осторожно обул ее. Застегнул молнии на сапогах.

– А теперь встаем...

Ирина встала на ноги, увидела, что она без пальто, и так стыдно ей стало за свою одежду.

Надев пальто, она успокоилась. Егор помог ей выбраться из «скорой помощи». Рядом по размятому колесами, всхлипывающему снегу ехали машины. Вот и знакомая остановка, и темный парк.

– Господи! Уже поздно ведь! – перепугалась Ира.

– Все в порядке, – прошептал ей Егор. – Пойдемте, я во дворе вашей молочной кухни машину оставляю!

Пока шли, Ирина бросила взгляд на окна своей работы. Окна всего второго этажа горели ярким желтым светом. От парадного до парадного.

Егор усадил Ирину на переднее сиденье. Захлопнул дверцу, и ощутила она себя в занесенной снегом хате. Темно и холодно. И шорох метлы, точнее, щетки на ручке, которой он снег с машины сметал.

По городу ехали медленно. Только на проспекте Победы поток машин шел быстрее.

Чтобы не думать о своем ноющем теле и не пытаться понять: что болит от бидонов с козым молоком, а что – из-за того, что ее сбила машина, она рассказала Егору о своем разговоре с начальницей, да и о бидонах, которые таскала вдвоем со старушкой-нянечкой.

Ее рассказ иссяк как-то слишком быстро, и в машине зависла пауза. Ей хотелось услышать голос Егора. Твердый, решительный и, если можно, заботливый. Но Егор молчал. Молчал минут пять. Потом сказал:

– Никакая она не Нелли Игоревна. Это она себя для более благородного звучания переименовала. А то, что ты большую зарплату требовала, так это правильно. Не сомневайся!

– А вы про малыша узнали? – спросила с надеждой в голосе Ирина.

– Нет еще. Ребята занимаются. У нас система взаимовыручки. Я им кого надо прозвоню, они кого мне надо отренгуют. Пока вот ее, вашу Нелли Игоревну проверили. Оказалась Галиной Тимофеевной Слепченко. Три годика назад еще порчу и сглаз снимала за двадцать гривен с клиента, а теперь вот...

– Так, может, это она меня под машину отправила, за то, что я надбавку захотела? – перепугалась не на шутку Ирина.

– Ирочка! Вам нельзя себя пугать такими мыслями! Думайте только о хорошем!

– Ой, сумка! – вспомнила Ира. – Сумка и коробка конфет! Наверно, подобрал кто-то!

– Я поищу, – спокойно пообещал Егор.

Через полчаса красная «мазда» Егора свернула на Макаров, потом на Кодру. Подвез он ее под самый дом. Помог из машины выйти.

– Вот, – протянул ей несколько крупных купюр. – Считайте это полученной надбавкой и одновременно отпускными. Полежите дома недельку, Ясю покормите! Никакого Киева! А я к вам скоро заеду, проведу!

Ира кивнула и осталась стоять у калитки, пока красная машина не растворилась в странной темноте этого зимнего вечера, неожиданно показавшегося ей сиреневым.

Уже открывая входную дверь, услышала плач Яси и четкий голос телевизионного диктора, сообщавшего грустные последние новости страны.

23

Киев. Улица Рейтарская. Квартира номер 10

На карнизе за окном комнаты громко ворковали два голубя. Вероника варила себе на кухне утренний кофе. А Семен мирно спал, накрывшись с головой одеялом, словно прятался от голубиного воркования.

Он еще спал, когда Вероника с чашечкой кофе зашла в комнату и присела на край кровати. Присаживаясь, она пролила кофе на свой махровый халат. Коричневое пятнышко было размером с двухкопеечную монетку. «Надо бы сразу замыть!» – подумала она, но осталась сидеть.

– Сеня! – обернулась она к спящему мужу.

Он что-то промычал в ответ из-под одеяла. Вероника отпила из чашечки.

– Сеня, просыпайся! Уже одиннадцать!

– Одиннадцать?! – переспросил сонным голосом муж.

Его рука прошлась вдоль недавно ушибленного бедра.

Семену казалось, что он всю ночь проворочался из-за этого ушиба.

Приподнялся на локте.

– Как спала? – спросил Веронику. – Я тебя не толкал ночью?

– Нет, не толкал, – Вероника пожала плечиками. – И спал как убитый!

Семен поднялся. Вышел в трусах в ванную комнату. Облился холодным душем. Прислушался к своему телу. Прислушиваясь, снова бросил взгляд на синяк на бедре. Синяк приобрел темно-перламутровую окраску.

Вытерся насухо полотенцем и, проходя мимо вешалки в коридоре, опустил взгляд на венки.

– Ника! Убери его куда-нибудь, а то я вчера вечером чуть заикой не стал!

– Это ты про венки?! Его сегодня Дарья Ивановна заберет. Обещала к двенадцати зайти!

Семен нашел на кухне пакет супермаркета, сунул туда веночек и повесил его на вешалку.

Надел спортивный костюм, и сразу вспомнил вчерашних «лыжников». Подумал, что и сам он такой же «лыжник». Потому что никаким спортом, кроме ношения «адидасовского» костюма, не занимается. А ведь ему надо держать форму!

«Летом поплаваем и в футбол поиграем», – мысленно успокоил он себя.

Съел на завтрак банан. Выпил зеленого чая. Подумал: «А не позвать ли Веронику куда-нибудь прогуляться? Ведь воскресенье на улице!»

Только зашел в спальню, как зазвонил телефон. Вероника сняла трубку, и Семену сразу по выражению лица жены стало понятно, что разговор продлится не меньше четверти часа. Вернулся в кухню и услышал, как звонит его мобильный, оставленный вчера в кармане куртки. Звонил Володька.

– Слышишь, Сеня, давай на полчаса встретимся! – предложил он. – Я тут недалеко, в «МакСнэке».

– Сейчас подойду! – ответил на предложение Семен.

Набросил куртку. Заглянул в спальню. Помахал рукой, привлекая к себе внимание Вероники, увлеченной телефонным разговором.

– Через полчаса вернусь! – сказал он негромко.

Жена кивнула.

В кафе «МакСнэк» было пусто. Только одна девчушка сидела, разложив на столе свой лэптоп. Володька устроился за колонной у боковой прозрачной стенки. Поэтому Семен его сразу и не увидел.

Заказав себе фреш из морковки, Семен уселся за столик напротив приятеля.

– Ну, рассказывай!

Володька выглядел уставшим. Лицо показалось Семену бледным, болезненным.

– Ну, ты мне и ночку устроил! – сказал он.

Семен непонимающе посмотрел на Володьку.

– Ты же просил за тобой ночью последить! – напомнил Володька шефу.

– Да, – кивнул Семен. – Просил. Я думал, что следующей ночью....

– Какая разница. Мне прошлой не спалось. Так что...

– Подожди, – Семен задумался. – А разве я этой ночью куда-то уходил?

Володька кивнул.

Семен вспомнил утро. Вспомнил относительную свежесть своего тела. Вспомнил мирную, добрую атмосферу и даже воркование голубей за окном. И Вероника никаких ему претензий не предъявляла, и венки в коридоре он только два раза видел – когда вернулся домой в половине двенадцатого и утром после душа.

– И куда же я ходил? – спросил Семен растерянно.

– В час двадцать ночи ты вышел из дому. Дошел до угла Стрелецкой и Ярославова Вала. Прогулялся вдоль «Рэддиссона». Потом вернулся к началу Франко и спустился вниз на Хмельницкого. Я тебе могу на карте весь маршрут нарисовать. Это не самое интересное!

– А что самое? – с опаской спросил Семен.

– Самое интересное, что тебя ждали. На углу Чеховского переулка и улицы Гончара. Красивая высокая блондинка в длинной шубе...

– Ты шутишь! – выдохнул изумленный Семен. – И что потом?

– Вы поцеловались. Почти не разговаривали. Ты провел ее вверх по Чеховскому. Постояли минут пять под ее парадным, и все. Она пошла домой, и ты тоже домой. Вверх по Гончара.

Семену стало не по себе. Он посмотрел по сторонам. Увидел паренька, несущего ему морковный фреш. Возвратил взгляд на Володьку.

– А где эта блондинка живет?

Володька ухмыльнулся. Протянул Семену листик бумажки с записанным адресом.

– А как ее зовут? – спросил шепотом Семен.

– Я с ней не разговаривал. Это ты с ней разговаривал и целовался!

За столом возникла пауза.

– Ты сходи к врачу! – прошептал Володька, наклонившись над столом.

– К какому?

– Может, к психиатру?! – предположил приятель.

– Я же не псих! – Семен мотнул головой. – Я в основном нормальный...

– Ты лунатик, – снова прошептал Володька. – А я тебе еще кое-что скажу. За тобой один парень следил, но потом заметил меня и исчез.

У Семена заболела голова. Он вдруг почувствовал в теле внезапную неприятную тяжесть.

– Пойди отоспись! – проговорил он Володьке.

– Смотри, могу еще разок за тобой присмотреть! – сказал приятель.

– Хорошо, – Семен кивнул.

Дома на кухонном столе он нашел записку: «Я у Дарьи Ивановны. Вернусь к двум. Ника».

Покрутив перед глазами бумажку с адресом блондинки в шубе, Семен улегся прямо в спортивном костюме на кровать поверх одеяла. И сразу заснул.

24

Город Борисполь. Улица 9 Мая

Казалось, радости Вали не будет предела. Дима стоял у кухонного окна и с кривоватой ухмылкой наблюдал за своей женой, которая кружилась в домашнем сиреновом халате с серым котом на руках.

«Посмотрел бы я, как бы ты с ним кружилась, если б он не посидел недельку на диете в гараже!» – подумал Дима.

Похудевший и старательно измазанный гаражной грязью и пылью кот теперь уж точно ничем не отличался от покойного Мурика.

Валя просто остолбенела, когда муж внес его в «родной» дом. Ни слова вымолвить не могла. Стояла так минут пять, наверное. Потом слезы с глаз вытерла. Подошла. Взяла кота из мужниных рук, как младенца. И в ванную комнату понесла.

Кот после принудительного голодания утратил не только энергию, но и всякое желание сопротивляться. Он вел себя, как сорванный со старого пальто воротник. Дима высыпал в угол гаража полный совок мусора, сметенного обрезком веника. Вываливал в этом мусоре кота старательно и долго. А кот даже не реагировал. Только оглядывался иногда на Диму, и взгляд его был тупым, как у беременной женщины. Это первое, что Диме в голову пришло, когда он кошачьи глаза увидел.

Но теперь, после того как Валя его помыла и расчесала, кот, несмотря на очевидную худобу, приобрел вид ухоженного домашнего животного. И глаза у него теперь были не глупые, а хитрые. И смотрел он ими вниз, на покрашенный деревянный пол, разыскивая, по-видимому, свою миску, наполненную «Кити-кэтом» или чем-то в этом роде.

Ждать ему пришлось не долго.

– Вот, Мурик, ложись на свое любимое место! – проговорила Валя, опуская его возле батареи под окном. – Сейчас мы тебе покушать дадим!

Диме надоело наблюдать комедию, в главных ролях которой играли его жена и кот-аферист. И это притом, что ощущал он все-таки негромкую гордость в душе. Гордость за свою выдумку, ставшую реальностью. Хотя ничего тут особенного не было. Просто надоел ему этот смехотворный траур по коту. Траур, который больше всего ощущался именно на кухне.

Он зашел в комнату, включил телевизор.

Валя тут же заглянула, словно с проверкой. Доложила, что котик ест с аппетитом.

Через полчаса она вдруг предложила мужу в кафе сходить.

Дима удивился.

– Ну это, возвращение мурика отметим, – мягко произнесла она. – Мы же с тобой давно никуда не ходили!

С этим Дима не мог не согласиться. Действительно, никуда они не ходили с Валею. «Надо все-таки детей завести, – подумал он. – Будут дети – появятся крестные. Будет к кому в гости ходить! А то вся родня так надоела!»

Вышли они из дома и тут же неприятное знакомое рычание услышали. У забора с их стороны стоял соседский бультерьер Кинг и злобно скалил свои блестящие острые зубы.

Дверь соседского дома была открыта, и на пороге с сигаретой в руке стоял хозяин собаки, лысоватый, с пивным животиком мужик лет пятидесяти. По слухам, раньше он работал мясником на рынке, но оттуда его погнали за воровство.

– Эй, заберите свою собаку! – крикнул Дима.

– Кинг, сюда! Сюда иди! – хрипловатым голосом приказал собаке сосед.

Бультерьер лениво вернулся через дырку в заборе на свою территорию. Дима смотрел на эту дырку в заборе и наливался злостью. Он ее уже раз пять забивал досками. Сама собака не

могла бы эти доски отбить, а значит, это ее хозяин всякий раз пробивал в заборе дыру, чтоб его бультерьер ходил гадить на соседский двор.

«Отравить бы его, падлюку!» – подумал Дима.

Когда дошли они с Вале́й до ближнего вагончика-кафе, злость в Диме поутихла. Взяли они по тарелке пельменей и сто грамм водки на двоих. Ели и друг на друга смотрели. И никакого разговора им не надо было. В вагончике под потолком телевизор какой-то сериал показывал. Голоса героев были невнятными. Иногда проявлялся вдруг какой-нибудь музыкальный мотив, размытый и эмоционально не конкретный. Этот звук, а точнее, шум жизни, вполне соответствовал атмосфере их ужина.

Валя сама стопочки из графинчика водкой наполнила. Сама и тост сказала: «За возвращение Мурика!»

Выпили. А пельмени-то уже и кончились. Заказали еще по порции.

– Раньше порции больше были, – с сожалением в голосе произнесла Валя. – Раньше в порции было 14 пельменей или 7 вареников, – и она вздохнула тяжело, будто бы только что проводила свою молодость.

– Та-а! – махнул рукой Дима, внезапно пожелавший успокоить жену. – Мы можем себе и сами дома пельменей наварить. Сколько хочешь!

– А Мурик тоже пельмени любит! – вспомнила Валя. – Я возьму ему отсюда парочку.

Возвращались они медленно и под руку. Шел косой снежок. Мимо проходили люди, но все по одному, словно и не было во всем Борисполе в этот момент на улицах ни одной семейной пары, идущей под ручку.

Открывая дверь, Дима увидел записку.

«Придешь, срочно перезвони мне на моб. Боря».

В коридоре их встретил новый Мурик. Сразу стал о ноги хозяйки тереться.

– Соскучился! – обрадовалась она. – А я тебе пельменчиков принесла!

Жена с котом ушли на кухню, а Дима отправился в комнату. Позвонил Борису. На душе беспокойно было.

– Я к тебе на минутку заеду, – сказал Борис совершенно спокойным голосом. – Короткий разговор есть!

– Заезжай! – ответил ему Дима.

Он приехал минут через двадцать. Вызвал Диму на улицу.

– Слушай, давай я у тебя твои ампулы выкуплю, – предложил. – По десять гривен за штуку!

– А ты узнал, что в них? – поинтересовался Дима.

– Нет, но на них все равно клиенты нашлись! Давай! Не раздумывай!

Дима припомнил объявление об импортном лекарстве от рака. Улыбнулся едва заметно.

– По десять – маловато, – сказал.

– Ну, давай по двадцать, – легко согласился на торг Борис.

– По тридцать, – огласил свою цену Дима.

Борис явно спешил. У Димы возникло такое ощущение, что клиент ждет Бориса с ампулами буквально где-то здесь за углом. Ждет и нервно на часы смотрит.

– Ладно, – выдохнул Борис. – Где они у тебя?

– Подожди у калитки! – попросил его Дима. Сам вернулся домой. Взял пустой «бонусный» мешок из-под кота. И отправился в гараж.

Там присел на корточки и стал перекладывать в мешок коробочки с ампулами.

– Восемьдесят на четыре... это триста двадцать ампул, – бормотал он себе под нос. – Триста двадцать на тридцать... – задумался, сплюнул под ноги и достал мобильник. Нашел функцию калькулятора. – Девять тысяч шестьсот, – прошептал себе под нос.

Взгляд его упал на десяток упаковочек, еще не перекочевавших в мешок, предназначенный для грузчика Бори. Эти упаковки Дима решил оставить себе. На всякий случай. А вдруг там действительно лекарство от рака?!

Боря рассчитывался крупными купюрами. Расчет происходил в машине при тусклом свете верхней лампочки салона. Дима три раза пересчитывал полученную от Бори сумму и всякий раз сбивался. Сбивался из-за назойливой мысли, состоявшей всего лишь из одного слова: «Продешевил!»

Наконец сделка была завершена. Борис уехал. Дима прощально улыбнулся вслед удаляющейся машине. Вместе с Борей уезжал в прошлое неприятный эпизод с черным чемоданом.

25

Киевская область. Макаровский район.

Село Липовка. Утро

– Это она тебе отомстила! – твердила Ирине поутру мама, услышав о том, что произошло с дочкой предыдущим вечером. – Собирайся, езжай! Извинись перед нею и скажи, что дурь на тебя нашла!

Ирина отрицательно мотнула головой. Голова от этого движения немного закружилась. Она посмотрела на свой электронный будильничек, который утром не пищал. Не пищал потому, что отключила Ирина ему вечером эту функцию. Положила на тумбочку деньги, полученные от Егора. Придавила их будильничком, но перед этим сделала свой будильничек немым.

– Он тебе каждую неделю деньги давать не будет! – продолжала мама. – Нашла на мужика жалость, вот и дал! Сам, наверно, всю ночь проворочался, об этих деньгах думая! Дармовых денег не бывает! Да и за что тебе их давать?!

Ирина смотрела теперь на деньги, на сотенные купюры, стараясь не слушать маму. А тут еще Яся проснулась. Заплакала. И поняла Ирина, что уже десятый час! Что спала она долго и глубоко, и ее маршрутка уже давно до Киева доехала и обратно вернулась. А значит, никуда она сегодня не поедет. И рукой, ладонью, дотронулась она поочередно до своих полных грудей. И взяла проснувшуюся дочурку на руки. Задрала шерстяную блузку, надетую на голое тело. Поднесла Ясечку ротиком к соску и тут же почувствовала крепкие и горячие дочуркины губки – словно ожог.

А за окном солнце светило и играло лучами на намерзшем на оконное стекло узоре.

– Я с ней на улицу схожу, – произнесла Ирина, опустив взгляд на ребенка. – Я с ней давно на улицу не ходила. А тут как-то душно!

На эти слова мама подарила своей взрослой дочери горький, разочарованный взгляд.

– Ты думаешь, шо за мою пенсию мы с жизнью справимся? – сказала она напоследок. Поднялась и вышла из комнаты Ирины.

Зашла мама к себе, включила телевизор и, сделав звук погромче, ушла на кухню.

Странно, но непонятно о чем сообщавший дикторский голос привнес мир в их небольшой домик. Ирина отняла Ясю от левой груди. Перевернула на другую сторону головкой и поднесла к правой.

Минут через пять губки Яси расслабились, и она отпустила сосок.

– Спит! – тихонечко прошептала Ирина.

Опустила Ясю на кровать, прикрыла одеялом.

А сама накинула пальто и вышла в тапочках во двор. Морозный воздух обжег голые лодыжки. Зашла за дом, к вечно открытому сараю. Рядом в хозблоке шумели куры. Ирина заглянула и туда, просто так, из любопытства. Три месяца она жила по какому-то дикому графику. И теперь, когда первая маршрутка на Киев ушла без нее и она застала поздний зимний рассвет в своем доме, ее распирало непривычное детское любопытство. Словно, пока ее не было, все играли в увлекательную игру. А она эту игру пропустила. И теперь, когда все игравшие разошлись по делам или по домам, просто осматривала место пропущенного веселья.

В какой-то момент Ирина забыла, зачем она шла в сарай. Все-таки материнство обостряет инстинкты, но отупляет мозги. Эту фразу она уже слышала несколько раз, но не помнила, от кого.

– А! Старые санки! – припомнила она.

Дверь в сарай открылась со страшным скрипом. Отец никогда не смазывал петли дверей. Говорил, что сами воры испугаются, если двери громко заскрипят. Может, действительно из-

за этого их ни разу не обокрали, в то время как соседи о кражах в их селе сообщали чуть ли не каждый день.

Пробравшись мимо поленницы, сложенной под левой стеной сарая, Ирина забралась в дальний угол, где стояли два старых велосипеда «Украина» со спущенными шинами, а над ними на вбитом в стенку гвозде висели санки с железными полозьями и деревянной спинкой. Ирина аккуратно сняла их с гвоздя и вынесла во двор.

Через полчаса она уже везла спящую, укутанную в теплое одеяло Ясю на саночках по замерзшей дорожке, ведущей на околицу села, к сосновому лесу. Она помнила, что там есть невысокая горка, с которой она с подружками часто спускалась на санках. Конечно, Яся еще слишком маленькая, чтобы радоваться санкам и горкам. И грудь, налитая молоком, давит, болит. Но они сейчас прокатятся, понесутся вдвоем с горки ее детства.

Дойдя до горки, Ирина взяла спящую Ясю на руки, уселась на санки и наклонилась немного вперед, сталкивая санки весом своего тела с края горки.

Морозный ветер в лицо, глаза прищурены. И улыбка сама по себе, не боящаяся ни морозного ветра, ни снега, который то ли с неба, то ли с сосновых крон падает.

Вернулась через час. По-детски счастливая, ни о чем, кроме Яси, не думающая. Санки оставила у порога, а сама взяла Ясю на руки и зашла в домашнее тепло.

– Тут до тэбэ заезжал один, – сказала ей мама, взглядом кивая на двери в комнатку Ирины.

На кровати рядом с пустым пакетом лежала коробка конфет, картонная коробка яблочного сока, несколько апельсинчиков и шоколадка.

– Как передача в больницу! – покачала головой мама, зашедшая в комнату следом за Ириной.

– Это он так разложил? – спросила Ирина, опуская проснувшуюся дочурку рядом с подарками.

– Не, это я. Посмотреть хотела, – простодушно призналась мама.

– Грудь болит, – проговорила Ирина, глядя на апельсинчики.

– А тебе цитрусы нельзя, молоко будет кислым, – проследив за взглядом дочери, произнесла мама. – По телевизору говорили!

– Ну, Ясенька, проголодалась? – Ирина принялась выпутывать маленькую дочку из одеяльного кокона. – Давай мамино молочка поъем, а то у меня грудь лопнет!

Иринина мама посмотрела испуганно на дочь.

– Она теперь столько не выпьет! Да и не надо ей столько! Ты ж посмотри, как их распирает! Снеживать надо! Езжай в Киев, деньги зарабатывай! Куда тебе столько молока!

Ирина тяжело вздохнула. Сдвинула подарки от Егора на край кровати, а сама улеглась на бок, спиной к маме, а грудью к Ясе.

– Ну давай, давай, мамино молочка попей! – упрашивала она Ясю.

Но Яся, казалось, никакого интереса к оголенному соску матери больше не испытывала.

26

Киев. Улица Воровского. Квартира номер 17

Чаепитие у Дарьи Ивановны неожиданно превратилось в легкий обед. Это когда они с Вероникой выпили по две чашки чая с лимоном и съели по пирожному. Дарья Ивановна снова отправилась на кухню поставить на огонь чайник, оставив Веронику одну в гостиной.

А Вероника, оглядевшись, отметила отсутствие портретов покойного мужа хозяйки и присутствие хорошего вкуса у нее же во всем, что касалось мебели и интерьера. Да и одета она была со вкусом, хотя и не по-домашнему. Вот Вероника никогда не ходит по квартире в деловом костюме, а Дарья Ивановна себе такую вольность позволяла. Но опять же, ее деловой костюм с зауженной в коленях юбкой и с приталенным жакетиком, и все это цвета бордо, не входил ни в малейшее противоречие с обстановкой комнаты. Кожаные диван и два кресла нежного коричневого цвета, журнальный столик по центру. На нем вазочка с букетом красных роз. И тут же две фарфоровые чашки с блюдцами и такой же чайник. И в чашках, и на чайнике – красные розы. Только помельче, чем те, которые в вазе. Комодик, на котором тикают массивные часы. Часам уже лет пятьдесят, а то и больше. На подоконнике – вазоны с зеленью, и в углу у батареи – деревянная кадка с лимонным деревом. Над комодиком – портрет самой хозяйки. Холст, масло, дорогая рама.

Странно, но Веронике вдруг пришло на ум, что в этой комнате нет ни единого следа мужчины. Словно здесь его никогда и не было.

А Дарья Ивановна тем временем вошла с большим блюдом, на котором геометрически правильными ломтиками лежали сыр, ветчина и бутербродики с семгой.

– Время обеденное, – проговорила она, опуская на журнальный столик блюдо. – А мы все чай да чай!

Она уселась напротив Вероники на диван.

– Я вам так благодарна! У меня столько дел, столько мыслей, а тут веночек надо снимать на выходные... Вы же потом домой?

Вероника кивнула.

– Так вы его не оставляйте. Сейчас темнеет рано. Думаю, что никто не заметит, если вы его на обратном пути на место повесите!

Вероника кивнула.

– Ой, чайник! – воскликнула хозяйка. Вскочила, взяла уже пустой фарфоровый чайник и ушла торопливым шагом на кухню.

Через минуту в чашки снова полился ароматный чай.

Вероника почувствовала, что проголодалась. Часы на комодике показывали без пяти три. Может, они и спешили, но в любом случае других часов рядом не было. Ветчина таяла во рту. И бутербродики с семгой тоже таяли.

Дарья Ивановна охотно составила госте компанию. Она тоже аппетитно ела и сыр, и ветчину, элегантно и немного игриво прикрывая жуящий рот толстыми пальцами.

Взгляд Вероники то и дело уходил на золотой перстень с рубином, украшавший безымянный палец правой руки хозяйки.

Дарья Ивановна заметила это.

– Он не снимается, – проговорила она, дожевав кусочек ветчины. – Надо как-нибудь с помощью мыла и нитки стянуть его и на растяжку в ювелирную мастерскую отдать! Это мне Эдик подарил на тридцатилетие. Может... – заговорила она и вдруг умолкла, бросив задумчивый взгляд на часы. – Может, я, правда, не знаю...

– Что? – обеспокоенно спросила Вероника.

– Вы же не из робкого десятка, – Дарья Ивановна посмотрела в глаза гостю. – И за меня вступились... Временем располагаете?

Веронике хотелось как можно быстрее узнать, что хочет предложить ей вдова аптекаря.

– Да, да, – она закивала. – Муж на работе, а детей у нас нет. Так что я...

– Вот и хорошо, – голос Дарьи Ивановны стал неожиданно серьезным. – Допивайте чашек. Это тут недалеко!

На улице к этому времени похолодало. Сумерки сгущались. Дарья Ивановна не забыла возвратить Веронике пакет с траурным веночком, и теперь мороз покусывал тыльную сторону ладони и пальцы Вероники. Вторую, свободную от пакета руку, она спрятала в карман своего элегантного, но не слишком теплого пальто из магазина «Лора Эшли». Вероника на ходу попыталась вспомнить, куда она положила свои теплые лайковые перчатки.

Дарья Ивановна тоже была в пальто, только ее синее кашемировое пальто было до пят, а поднятый меховой воротник явно грел не хуже самого теплого мохерового шарфа.

– Это тут рядом, – проговорила Дарья Ивановна, увлекая Веронику за собой.

Они вышли на Ярославов Вал, потом по улице Франко вниз. Свернули на Чапаева и, не доходя до невзрачного, с осыпающейся штукатуркой здания министерства по чрезвычайным ситуациям, остановились перед железными воротами с переговорным устройством, перегораживавшими когда-то свободную для прохода арку, ведущую в анфиладу дворов.

Дарья Ивановна нажала на кнопку переговорного устройства, и оттуда сразу донесся мужской непрокашлянный голос: «Слушаю вас!»

– Абонент тридцать два – один, – мягко произнесла она в ответ.

Мужской голос попросил подождать минутку, но половинка железных ворот открылась буквально секунд через десять. Мужчина в теплом зеленом комбинезоне – типичный современный охранник – кивнул дамам, закрыл за ними железные ворота и повел посетительниц за собой.

– В воскресенье к нам редко приходят, – сказал он, не оборачиваясь, словно в оправдание.

Они прошли через еще одну арку. Остановились за спиной охранника, зазвеневшего ключами перед солидного вида стальной дверью – главным входом в современное двухэтажное здание, по-видимому, не так давно выстроенное.

Улица Чапаева часто заставляла Веронику задуматься. Была она странной, короткой и изогнутой, как бумеранг. Иногда на ней не было ни одного прохожего. Иногда единственным прохожим мог оказаться какой-нибудь знаменитый или просто известный по телеэкрану человек. Может, они здесь и жили. Но ведь такие люди если и ходят пешком, то только в сопровождении телохранителей! А тут они всегда шли в одиночестве. Вероника слушала звон ключей и вспоминала, кого она видела вот так, случайно, на этой улице. И министров видела, и политиков. Попытки вспомнить конкретные фамилии этих людей, однако, успеха не имели. У них у всех было известное лицо и неизвестная фамилия.

– Ника, пойдем! – позвала ее Дарья Ивановна, уже вошедшая следом за охранником в неярко освещенный коридор за стальными дверями.

– Вы надолго? – спросил вдруг охранник.

– Минут пятнадцать – двадцать, – в голосе Дарьи Ивановны зазвучали скорбные нотки.

– Тогда я вам чаю сделаю, – пообещал мужчина. – А то замерзнете!

Просторный грузовой лифт опустил их на пару этажей вниз.

Охранник включил свет, и они увидели перед собой еще одну массивную стальную дверь. Правда, тут уж им ждать не пришлось – очередной ключ был у мужчины наготове.

Помещение за дверью было одновременно похоже на роскошный зал автоматических камер хранения и на поминальное кафе. На трех стенах – шахматной доской выложен до потолка кафель: черные и красные квадраты. Пол из черного мрамора. Три круглых столика с четырьмя стульями вокруг каждого. Четвертая стена, метра три в высоту и десять-двенадцать

метров в длину, представляла собой сплошной блок ячеек для крупногабаритного багажа. Только возле каждой дверцы с ручкой не было ни монетоприемника, ни правил пользования. Зато справа от каждой ручки к благородно-матовому металлу была прикреплена пластина с выгравированным на ней трехзначным номером.

– Тридцать два – один, говорите, – произнес охранник, подвозя длинную хромированную тележку на колесиках к стенке с металлическими дверцами.

Остановился. Потянул дверцу с нужным номером на себя, и из стенки медленно выехал и завис над мраморным полом длинный ящик. В нем – тело мужчины в костюме. Охранник с помощью несложных манипуляций установил металлический ящик с телом на тележку и оглянулся на Дарью Ивановну.

– Может, в комнату свиданий? Или здесь останетесь?

– Никого же нет, – развела руками вдова аптекаря. – Здесь посидим. За тем столиком! – она показала на крайний столик справа.

Охранник кивнул и, оставив тележку у указанного Дарьей Ивановной столика, вышел из зала.

– Садись, Никочка! – кивнула Дарья Ивановна на стул. А сама отошла в сторонку. Промокнула платочком глаза. Расстегнула пальто, но снимать его не стала.

Вероника присела. Она смотрела на тело в железном ящике. Понимала, кто это. Больше того, она впервые в жизни ощущала дыхание смерти. Холодное дыхание чужой смерти. Со стороны ящика до рук, до шеи, до щек Вероники дотягивался особый, металлический, цепкий холод. Она даже отодвинулась чуть в сторону, подальше. И вдруг Дарья Ивановна, неслышно подошедшая со спины, мягко опустила свои руки на плечи Вероники. И Вероника вскрикнула от испуга.

– Что ты, что ты! – запричитала Дарья Ивановна. – Неужели ты такая впечатлительная!.. Вот, познакомься. Это мой Эдичка.

Она бросила на белое лицо покойного мужа добрый взгляд.

– Я думала, вы его уже похоронили, – произнесла негромким голосом Вероника.

– Не хочется, – призналась ей вдова. – Как-то это не по-человечески. Взять и закопать. Закопать в землю – это сразу забыть, отделаться от тела и от всего, что в твоей жизни с ним связано, раз и навсегда! А помните стихи «С любимыми не расставайтесь!»?

Она тоже присела за стол, спиной к покойному мужу. Достала из кармана пальто плоскую металлическую фляжку, из другого кармана – две серебряные стопочки.

– Виски, – кивнула она на фляжку. – Тут холодно!

Вероника задумалась. Точнее, попробовала понять: холодно ей тут или нет. Странно, но физического холода она все-таки не ощущала. То есть какой-то определенный направленный холод несколько мгновений назад присутствовал, но теперь исчез. Потому что между источником этого холода и Вероникой уселась Дарья Ивановна.

– Какое виски? – спросила неожиданно Вероника. Просто, чтобы увести разговор в сторону.

– Виски? – переспросила вдова. – Да я не знаю. Он любил виски. В баре еще бутылок десять стоит, все разные. Все подаренные известными личностями, политиками. Он же их лечил...

– Как лечил? – удивилась Вероника. – Он же аптекарь, а не врач!

– Он был практикующим аптекарем. На заказ индивидуальные лекарства составлял, даже по запрещенным старым рецептам. К нему даже наша Юлечка ходила! Он ей сильнодействующее лекарство от усталости делал. Говорил ей, что побочные эффекты очень сильные. А она ему: «Я не боюсь никаких побочных эффектов!» А потом уже и другие лекарства заказывала, но сама не приходила. Присылала свою помощницу, у которой точно такая же прическа... Ой,

да чего мы о них! Вот и бар с тех пор полный иностранных бутылок. Я в следующий раз тебе покажу!

Она наполнила серебряные стопочки.

– Так вот, – заговорила, словно бы возвращаясь на минутку к упущенной нити. – Я против того, чтобы закапывать. Закапывать, откапывать... Давай за его память выпьем! Думаю, без него теперь многим тяжело! То, что он делал, другие бы просто побоялись!

Вероника пригубила виски. Незнакомого свойства тепло полилось вниз, согревая на ходу ее гортань и словно напоминая о направлении движения в теле всех посторонних жидкостей.

– Здесь его можно несколько лет хранить, хоть и дорого, – продолжила она, допив виски до дна. – Это же частный морозильник. В основном для иностранцев, которых для захоронения к себе домой, за границу увозят. Ну, понимаешь, пока родственники приедут, пока все документы соберут и так далее. Мой Эдик, кажется, здесь единственный киевлянин... Но он здесь долго не будет... Мы его скоро домой заберем!

Вероника подняла испуганный взгляд на вдову.

В ответ на взгляд Дарья Ивановна улыбнулась.

– Тут недалеко мастерская есть, – она перешла на шепот. – Там раньше из любимых собачек и кошек чучела на память делали. Но они недавно лицензию у немцев купили на пластилизацию покойников...

– А что это? – спросила Вероника, снова ощутив холодок на своей шее и щеках.

– Это как бальзамирование, только дешевле, быстрее и долговечнее, – пояснила Дарья Ивановна. – Кроме того, можно заказать любую позу покойного, а потом за доплату ее изменить. Он бы одобрил эту идею – Эдик науку любил. Он перед смертью по заказу своей постоянной клиентки особое лекарство разрабатывал. От страха. Назвал его «Антизаяц». – В руках вдовы блеснула металлическая фляжка с виски. Благородный напиток с резким запахом полился тонкой струей в стопочку Вероники. Дарья Ивановна подняла взгляд на спутницу. Продолжила шепотом: – Может, его из-за этого лекарства и убили! У заказчицы столько врагов! В нашей же политике – одни шпионы! Следят друг за другом, подслушивают, подсматривают! И она, наша милая, лекарство не для себя заказывала. Ей-то ничего в этом мире не страшно! Видно, для кого-то из соратников, для тех, кто потрусливее! Первую пробную партию он сделать успел, но очень о побочных эффектах беспокоился. Говорил, что эффекты эти «психического свойства»! – И она покрутила пальцем у виска, а потом грустно улыбнулась.

Веронике на мгновение показалось, что после этого подросткового жеста лицо вдовы словно помолодело. Морщины исчезли, нос чуть тоньше стал. «Да нет, это освещение!» – мысль вернула она себя в реальность и с испугу выпила вторую стопку виски одним глотком.

– А как это: «эффекты психического свойства»? – спросила осторожно. – Это когда люди с ума сходят?

– Нет. Это когда они вдруг ни с того ни с сего становятся честными и порядочными... Я имею в виду политиков, не людей! Нормальные люди лекарства в аптеках покупают. Я ведь Эдика никогда подробно не расспрашивала. То, что он мне сам рассказывал, то и помню. У него в аптеке кабинет был. А пробные партии он иногда по ночам где-то в Дарнице делал. Там у него друг на фармакологическом заводе. Если хочешь, можем в его кабинет зайти, пока я аптеку не продала!

Веронике не хотелось в кабинет покойника, но еще меньше ей хотелось сидеть за этим столиком и видеть за спиной Дарьи Ивановны часть металлического ящика, в котором лежал замороженный Эдик, убитый, кстати сказать, в двух шагах от ее, Вероники, дома. Той самой ночью, когда Семен пришел домой под утро с большим бурым пятном на рукаве своей рубашки и в странном состоянии.

Веронику вдруг пробил озноб. Мысли сами навязывали ей мужа в качестве хладнокровного убийцы Эдика. Но муж никогда не болел, он не мог убить аптекаря из-за какого-то лекарства...

Веронике стало холодно, и она взглядом попросила Дарью Ивановну наполнить ей стопочку.

Дарья Ивановна улыбнулась.

– Я так рада, что мы встретились, – сказала, откручивая толстыми пальцами крышку на фляжке.

Стальная дверь бесшумно открылась, и в зал вошел охранник с подносом, на котором стояли две черные чашки и темно-красный фаянсовый чайник. Веронике эти чашки с чайником сразу что-то напомнили, но что именно – она не могла понять. Только когда охранник ушел, сообразила она, что и чашки, и чайник хорошо гармонировали с шахматной выкладкой кафеля на стенах.

– Мы быстренько выпьем чаю и пойдем! По дороге веночек на место повесим, – сказала Веронике Дарья Ивановна. – Или нет, сначала еще по стопочке!

27

Город Борисполь. Улица 9 Мая

С возвращением мурика жизнь в доме Димы и Вали наладилась, успокоилась. Валя решила устроиться на работу и без всяких проблем нашла себе место кассира в небольшом зале игровых автоматов рядом с автовокзалом. Работала она с восьми утра и до пяти, и теперь Диме, когда возвращался он домой с ночной смены, приходилось самому подогревать завтрак. Первым делом он поднимал крышку над сковородкой, стоявшей на плите. Частично из любопытства, частично для того, чтобы простимулировать чувство голода, чтобы внутреннюю слюну пустить. Его радовал любой завтрак: и сваренные вчера пельмени, которые при разогреве на сковородке приобретали вкусную хрустящую корочку, и гречневая каша с котлетой, и даже уже готовая, но остывшая яичница со шкварочками.

Вот и в этот раз, вернувшись с ночного дежурства уставшим и голодным, он перед тем, как зажечь огонь под сковородкой, заглянул под крышку. Этим утром ему предстояло завтракать вермишелью и куриной ножкой.

Газовые синеватые огоньки дружно окружили круглую конфорку плиты и принялись лизать днище тяжелой чугунной сковородки. На соседнюю горящую конфорку Дима поставил чайник.

Новый Мурик, поначалу наблюдавший за хозяином из-под батареи, подошел поближе и потерял спиной о ногу Димы.

Дима опустил взгляд на растолстевшего серого кота. Кот, однако, поймав взгляд хозяина, тут же отошел к своей пустой миске и замер перед ней в ожидательной позе.

– Да пошел ты, самозванец! – буркнул Дима и отвернулся к плите.

Новый Мурик все понял и лениво вернулся на свое теплое место под батареей.

Наевшись, Дима закрыл шторы в комнате и улегся спать. Спал он глубоко и долго. Тепло и уютно ему было под тяжелым ватным одеялом. Спрятался он под него с головой, сдвинув подушку на край, чтобы не мешала.

И вдруг какой-то шум, хлопанье дверей, стук быстрых шагов по деревянному полу.

В комнату, не раздевшись и не разувшись, забежала Валя. Лицо взволнованное, в глазах растерянность. Сразу к спящему мужу подскочила. Сдернула с его головы одеяло.

– Дима, Дима! Встань! Пошли, посмотришь!

Дима первым делом взгляд только что открытых глаз на будильнике остановил. Тот показывал половину первого.

«Значит, мало спал!» – понял Дима, поднимая взгляд на стоящую над ним Валью.

– Что там? – недовольно спросил он.

– Пойдем! – просила она и показывала рукой на дверь, ведущую в коридор.

«Может, кто-то пришел? – думал, поднимаясь с кровати, Дима. Сразу в голове догадки появились, но медленные. – Снова знакомые грузчики? Или кто-то из соседей? Но тогда почему Валя такая взбунтованная?»

Натянув на ноги брюки, одевшись и сунув голые ступни в тапочки, Дима вышел следом за женой в коридор. Но в коридоре ничего и никого не было, а Валя тянула его за собой дальше, на улицу.

Выходить на мороз Диме совершенно не хотелось. Поэтому он решил из входных дверей выглянуть, но на порог дома не выходить.

Валя распахнула дверь и застыла на месте. На пороге Дима увидел грязного, исхудавшего почти до состояния «шкура и кости» серого кота. На ушах – запекшаяся кровь. Он лежал неподвижно. Только его тусклые глазки были направлены в этот момент на Диму. Кот мяукнул слабо и хрипло, как в последний раз.

Валя обернулась лицом к мужу.

– Смотри! – сказала.

А сама на корточки опустилась перед котом.

– Ты Мурик? – спросила негромко.

Кот снова хрипло мяукнул и попробовал подняться на четыре лапы. Он явно хотел сделать шаг вперед, подойти к Вале.

– Это я виновата, – прошептала, всхлипывая, Валя.

Подняла обессиленного серого кота на руки. Занесла в коридор.

Дима попятился, не желая стоять у жены на пути.

В коридоре она опустила кота на пол. Повернулась к мужу.

Дима тем временем не сводил взгляда с изможденного кота. Он, кажется, узнал в нем настоящего Мурика. Того самого, которого он самолично бросил в колодец заброшенного двора. Только ведь он его мертвого туда бросил!

Валя сняла пальто, разулась. Замерла на мгновение над котом. Ее руки словно искали что-то в воздухе. Или выдавали ее беспокойные мысли языком жестов. Она словно хотела что-то взять. То ли тряпку, то ли кусок старого коврика.

И действительно. Разобравшись со своими мыслями, Валя взяла тряпку для обуви, лежавшую на входе. Перевернула ее на другую сторону, об которую еще никто ноги не вытирал. Разложила под вешалкой и перенесла на нее серого пришельца.

– Боже мой, – всплеснула руками. – Да он еле живой! Потерпи, я сейчас!

Она ушла на кухню. А Дима, пользуясь моментом, опустился перед ним на корточки. Заглянул в мордочку.

– мурло, ты что ли? – спросил так, словно ожидал как минимум кивка в ответ.

Но кот на эти слова никак не отреагировал. Только продолжал смотреть на Диму жалобно и преданно, как на хозяина.

Диму передернуло. Он вспомнил, как Валя что-то про свою вину сказала.

Валя же вернулась в коридор из кухни с чашкой молока. Поставила ее перед носом кота, и тот тут же в чашку свою морду опустил. Пил жадно, вздрагивая на глотательные движения всем своим изможденным тельцем.

– Это же моя чашка! – произнес Дима.

– Я потом помою, – пообещала Валя. – Блюдца все грязные...

Из кухни вышел новый мурик и тут же подскочил с шипением к замученному соплеменнику.

Валя схватила толстого мурика на руки.

– Ну что ты, – запричитала, глядя его за ушком. – Он же такой, как ты! Ты тоже тощим и полудохлым сначала был!

Новый Мурик с высоты Валиной груди неприязненно смотрел на грязного серого кота, уже выпившего все молоко из чашки и опустившего мордочку на тряпку.

– Пойдем, я тебя под батареей положу, кушать дам, – нежно произнесла Валя, унося серого толстяка обратно на кухню.

– Так в чем твоя вина? – спросил Дима, когда Валя наконец успокоилась и вернулась в комнату, тщательно заперев кухонные двери, чтобы толстый Мурик не смог выйти в коридор к тощему.

Валя вздохнула, уселась в кресло.

– Стопочку налей мне! – попросила.

Дима достал бутылку самогонки, настоящей на крапиве. Налил жене стопочку. Она ее одним глотком выпила.

– Я тогда в церковь ходила, за возвращение Мурика молиться. А когда молитва не помогла, к колдунье пошла. Она мне и сказала, что жив Мурик, только он в глубокую яму

провалился и выбраться не сможет, пока в эту яму что-нибудь еще не бросят. А еще она сказала, что мне глас Саваофа во сне слышен будет. И глас этот будет говорить: «Он вернется!» А я должна считать, сколько раз он эти слова скажет. И как только я тринадцать раз его глас услышу – вернется Мурик. Ну, я их, эти слова, только семь раз во сне слышала. А потом ты сам его нашел... Выходит, зря я колдунье сто гривен дала.

– Сто гривен? – задумчиво переспросил Дима, припоминая во сколько ему обошелся новый Мурик.

Валя подумала, что муж сердится. Решила быстрее тему денег в прошлом оставить.

– И знаешь, что я думаю! – привлекла внимание Димы жестом руки. – Одного мне Господь помог вернуть, а второго – колдунья. То есть это один и тот же кот, только разными путями нам присланный...

Валя замолкла, сама задумавшись над только что ею самой сказанным.

– Ты что, в секту пошла? – перепугался Дима, впервые услышав от жены странные длинные предложения.

– Я только два раза была, – призналась Валя. – Думала, это поможет Мурика вернуть...

Дима уставился на Валю остекленевшим взглядом. «Уж не сошла ли она с ума из-за этого придурковатого кота?» – подумал.

Но тут же взял себя в руки. Теплые носки надел.

– Я в гараж схожу, – сказал и в коридор вышел.

Уже усевшись в своем укромном, но все-таки холодном гаражном уголке на маленькую деревянную скамеечку и включив самодельный электрообогреватель, Дима налил и себе стопочку самогонки, чтобы и согреться, и с мыслями собраться. Вспомнил он в подробностях тот день, когда грузчики чемодан привезли. Вспомнил, как Мурло налился жидкости из ампулы и выбежал из гаража прямо под колеса велосипедиста.

– А ну-ка, я его сейчас проверю! – решил.

Сходил домой, забрал отощавшего кота вместе с тряпкой, на которой тот лежал. Принес в гараж. Выпил еще стопочку, а потом достал ампулу из коробки, отломал ей кончик и вытрусил содержимое на тарелку, к которой недоеденная шпротина примерзла. Поставил тарелку перед серым котом. Кот носом повел. В глазах его огоньки заиграли. Придвинулся он судорожно к тарелке и слизал все, до последней капли.

Дима, наблюдавший за котом, хмыкнул. Понял, что будь это просто валерьянка, любой бы кот на нее набросился!

«Может, сходить и заглянуть в тот колодец?!» – подумал, но сам же головой отрицательно в ответ на эту мысль мотнул.

Не хотелось ему куда-то сейчас идти. Только-только от раскрасневшейся спирали, намотанной на кусок асбестовой трубы, тепло пошло. И внутри после второй стопочки теплее стало. Возникла гармония между внешним и внутренним миром Димы, и хоть он ее и не осознавал, но именно она, эта гармония, удерживала его теперь на месте, не позволяя голове принимать какие-либо резкие решения.

28

Киевская область. Макаровский район. Село Липовка

Следующее утро у Ирины тоже начиналось сладко, как в детстве. Тогда утро заходило в спальню маленькой Иринки поздним зимним рассветом через небольшое окошко. Сначала темное превращалось за окном в серое, а потом постепенно белело. Но белело утро за окном поздно, и спать Иринка могла в детстве долго. Не то что сейчас.

Когда Яся напилась маминого молока в очередной раз, молчаливые электронные часы составили из маленьких зеленых палочек одинаковой длины точное время окончания кормления – «05–05».

Ирина удивилась «округлости» этого времени. И смотрела на часы, пока не превратилась последняя «пятерка» в «шестерку», отчего «округлость» времени нарушилась.

Лежала она в кровати под одним одеялом с Ясей до восьми утра, прислушиваясь к ее дыханию и замирая, когда Яся шевелилась или кряхтела во сне.

Входные двери за это время несколько раз проскрипели, открываясь и закрываясь. Мама выходила кормить кур.

Вставать Ирине не хотелось. Зато захотелось шоколада, и она достала принесенную Егором плитку «Аленушки». Развернула, прислушиваясь к сладкому хрусту фольги. Отломала квадратик шоколада и опустила себе на язык.

И то ли от этого нежного томного вкуса, то ли совершенно по иной причине, а может, и вовсе без повода, вспомнился ей мариинский парк и бирюзовый невысокий дворец за черными стволами деревьев. И хруст снега под ногами вспомнился, и автобусная остановка, на которой – десант за десантом пассажиров, и все переходят дорогу и идут к домам, к зданиям, к учреждениям с вывесками у дверей и без, а парк за своей спиной оставляют.

И хоть тепло ей было под одеялом, и уютно ей было, как никогда, а воспоминания о парке укололи чуть-чуть. И грудь болит пуще прежнего. Не пьет Яся столько молока, сколько у ее мамы в груди набирается.

А за окошком машина остановилась.

«Егор!» – подумала Ирина.

Поспешно, но аккуратно, чтобы не разбудить Ясю, с кровати поднялась. Оделась. В окошко выглянула.

Нет, не Егора машина за забором стоит. У Егора красная, а тут черная.

Стук в двери.

– К тебе, что ли? – спросила, заглянув в комнату, мама. – Ничего, я пойду открою!

Входная дверь скрипнула, открываясь. Ирина вся напряглась, прислушиваясь.

– Ирина Анатольевна дома? – пробасил незнакомый мужской голос.

– Дома, дома, – ответила мама.

– Скажите, пусть собирается!

Мама влетела в комнату к Ирине бледная и напуганная.

– Там двое бритоголовых в черных пальто из кожи. Без шарфов, с галстуками! Не к добру! – запричитала негромко мама. – Видать, ты кого-то важного обидела! Может, министерского сына без молока оставила?! А может, сына этого, конопатого? Его ж жена иностранка, видать, грудь-то бережет. Или сам он хочет, чтоб малыша украинским сельским молоком вскармливали...

Ирина впопыхах одевалась. Материн испуг передался и ей. Руки дрожали, ноги в теплые коричневые колготки никак не лезли. Минут десять прошло, прежде чем вышла она в коридор, чтобы уже и пальто надеть. Не глядя, по ошибке, мамин серый пуховый платок с вешалки сняла да на плечи набросила.

Встретилась взглядом с двумя высокими мужчинами в черных кожаных пальто. Они неподвижно, как караул, перед входной дверью стояли. Глаза у них холодные, безразличные.

– Откуда вы? – спросила шепотом все еще напуганная Ирина. И сама не услышала, как невпопад вопрос прозвучал.

– За вами, – коротко ответил один из них.

– А когда я домой вернусь? – спросила Ирина, уже выходя и на ходу оглядываясь на взволнованную мать.

– Как обычно вернетесь.

Один из мужчин сел за руль. Второй запустил Ирину на заднее сиденье, а сам рядом с водителем уселся.

Машина взревела. Из-под передних колес мелкая ледяная крошка полетела. И рванула черная машина с места так, что чуть их деревянный забор не снесла случайно, потому, что бросило ее на обледенелой грунтовке сначала в сторону забора, вправо, а потом в другую сторону.

Водитель явно спешил. Ирина смотрела вперед по ходу машины и с ужасом наблюдала одну и ту же повторяющуюся картину: как подъезжает он на скорости прямо под задние фары очередной машины, и сигналит каким-то непривычным звуком, напоминающим сирену воздушной тревоги из фильмов про войну. И машина, та, которая впереди ехала, сразу испуганно в сторону отскакивает.

«Хоть бы радио включили», – подумала Ирина и вздохнула.

Может, и включили бы они радио, если б Ирина попросила. Но она молчала и молча удивлялась, как вместо испуга в ней немая покорность возникает. Покорность судьбе. И грудь, наполненная молоком, а оттого невероятно тяжелая, болит. И спина неприятно ноет, и голень правая в сапоге онемела.

А машина неслась к Киеву по Житомирской трассе с огромной скоростью. И гаишник с радаром только из любопытства направил свой радар на этот черный «лексус» и присвистнул не без восхищения.

– Сто девяносто три! – сказал он напарнику, кивнув на промелькнувшую машину.

Напарник, не одоббивший восхищения своего коллеги, мотнул головой.

– Хоть бы они в дерево врезались, а не в автобус, – пробурчал он.

Минут через пятнадцать машина остановилась у знакомого Ирине дома. Провел ее пассажир машины прямо к дверям, за которыми оставила она не один десяток литров своего молока. Сам на кнопку звонка нажал. Дверь открыла нянечка Вера. Мужчина в кожаном пальто втолкнул Ирину внутрь и дверью хлопнул, оставшись снаружи, на лестничной площадке.

– Что ж ты так! – укоризненно проговорила старушка Вера.

И стало от этих слов Ирине стыдно. Сняла она с плеч платок, пальто на вешалку повесила.

– Начальница тебя ждет, – сказала старушка опасливо. – Пойдем к ней!

И повела она Ирину за собой к двойным дверям, за которыми внешняя жизнь этой молочной кухни проходила.

Комната с ванной напротив дверей начальницы была приоткрыта, и увидел краем глаза Ирина, что опять ванна молоком наполнена была. И молодая женщина в белом халате термометром температуру молока измеряла.

– Дверь закрой! – услышала вдруг Ирина неприятный голос начальницы.

И поняла, что она уже в ее кабинете. Только как она переступила этот порог – даже не заметила. То ли втянула ее туда старушка Вера, то ли втолкнула.

Обернулась Ирина. Нянечки уже не было. Сама двери прикрыла.

– Садись! – приказала Нелли Игоревна, показывая прищуренным взглядом на стул по другую сторону ее стола.

Ирина уселась.

– Ты что, думаешь, что сможешь безнаказанно мне кровь портить?! – заговорила начальница зло и сквозь зубы. – Думаешь, я управы на тебя не найду? Зарплаты тебе мало стало?! Да я тебя голую и босую на улицу выкину!!!

Ирина посмотрела на Нелли Игоревну скорее удивленно, чем напуганно. Ну, чего, спрашивается, надо посылать машину и везти ее в Киев, чтобы пообещать голую и босую на улицу выкинуть?

Начальница, не заметившая на лице молодой женщины ожидаемого эффекта от своих слов, замолкла ненадолго.

– Сколько тебе зарплаты надо, чтобы ты работу не прогуливала? – спросила она холодным голосом.

Этого вопроса Ирина не ожидала, а потому посмотрела на Нелли Игоревну с еще большим недоумением.

– Что молчишь?!

Ирина плечами пожала. И почувствовала сразу боль в груди.

– Иди работай. После обеда придешь и поговорим! – приказала начальница.

Ирина молча покинула кабинет. Вернулась на «внутреннюю», кухонную сторону заведения. Сразу в знакомый кабинет. Молоко сдавать.

Когда обе груди уже обмякли, опустошенные с помощью маленького насосика, наступило у Ирины облегчение. И была она готова, как обычно, погулять в Мариинский парк пойти. Но как только к вешалке подошла, желание выходить на улицу пропало. Заметила она, что не тот пуховый платок из дому взяла. Представила себе, что Егор на это скажет. С другой стороны, очень хотелось ей его повидать и обо всем рассказать.

Зашла она на кухню, предложенной нянечкой каши съела. К окошку подошла, примериваясь к заоконной зиме взглядом и решая: будет ли ей без платка холодно. Потом, уже перед зеркалом в туалете, смотрела она на свои волосы, и не нравились ей они. Ни цвета, ни стрижки. Не длинные и не короткие. Покрасить их, что ли? А какой цвет теперь мужчинам нравится?

Задумалась Ирина. Вернулась на кухню, где нянечка чай из фаянсовой кружки пила. Спрашивать у нянечки Веры о вкусах мужчин Ирина не решилась. А потому просто присела молча напротив, и когда Вера и ей чаю предложила, то только кивнула в знак согласия.

После второго, послеобеденного сцеживания молока вспомнила Ирина о начальнице. Зашла к ней. Ожидала, что ругать будет за то, что позже, чем ей говорили, зашла. Но начальница встретила ее в этот раз безразличным взглядом. Протянула ей конверт.

– Будешь получать на триста гривен в месяц больше. А это – премия! Только не подумай, что от меня лично!!!

Выходя в зимние вечерние сумерки из «сталинского» пятиэтажного здания, где второй этаж жил собственной молочной жизнью, ожидала Ирина увидеть у дверей тот же черный «лексус» с двумя неразговорчивыми мужчинами в черных кожаных пальто. Но знакомой машины у парадного не было. И пошла она неспешно в сторону метро «Арсенальная». Шла и слушала внутренним слухом своего тела, как в грудь капля за каплей новое молоко прибывает.

29

Киев. Улица Рейтарская. Квартира номер 10

Семен, проснувшись там же, где и заснул днем – в кресле, посмотрел на часы – половина шестого. За окошком – легкий снег. В доме тихо. А внутри – благородное чувство голода. Это когда хочется яблоко или бутерброд, а не обед из пяти блюд. Зашел на кухню – на столе знакомая записка от жены. Обещание вернуться к двум.

Усмехнувшись, Семен заглянул в холодильник. Выудил оттуда сырокопченой колбасы. Отрезал несколько кружочков и сразу съел, не разменивая свою все еще сонную энергию на нарезание хлеба.

Прильнул носом к холодному оконному стеклу. Нос оказался хорошим проводником холода. Отшатнулся. Перевел взгляд на чайник. Подумал: «Надо вскипятить».

Одним словом, состояние – как ранним утром, а на улице – воскресный вечер.

«Интересно, где это Ника загуляла?» – подумал.

Мысли об отсутствующей жене как-то легко вывели его на другие мысли – о блондинке, с которой он, по словам Володьки, целовался прошлой ночью. «Разыгрывает, наверно», – подумал.

Нашел листок бумаги с адресом. Решил пройти туда, на Чеховский переулок. На дом, в котором живет эта мифическая блондинка, посмотреть.

Взял ручку. Дописал к записке жены: «А я вернусь к восьми!»

Надел любимую теплую куртку, натянул носки. Посмотрел на большой палец правой ноги, тут же выглянувший через дырку. Подумал, что не мешало бы ногти на ногах постричь. Но чтобы дальше на такие мелкие мысли не размениваться, натянул на ноги сапоги и вышел.

На углу Стрелецкой и Ярославова Вала остановился. Посмотрел на внешнюю стенку кафе. Там висел знакомый траурный веночек.

– Ага! – сказал и, свернув направо, пошел вдоль ярко освещенного фасада гостиницы «Рэддиссон».

Старался идти не спеша. Думал, что прогулка навевает какие-нибудь свежие мысли. Но мысли не навеивались. Летел снежок. Возле входа в гостиницу выгружалась из микроавтобуса группа людей в черном. Рядом гостиничный бэлл-бой выставлял на багажную тележку небольшие разноразмерные чемоданчики с самолетными бирками на ручках.

Так незаметно спустился по улице Гончара до Чеховского переулка. Прошелся по Чеховскому и остановился возле дома, указанного в Володькиной записке.

«Дверь-то, наверно, с кодовым замком», – подумал, берясь рукой за массивную бронзовую ручку.

Но дверь открылась, и он увидел перед собой красивый парадный подъезд и будочку с консьержем – благообразным старичком в теплом шерстяном свитере синего цвета.

– Вы в какую квартиру? – вежливо спросил старичок.

Семен поднес к глазам записку с адресом.

– В одиннадцатую.

– Вам на четвертый, – сказал старик, и Семену ничего другого не оставалось, как подняться по лестнице на указанный этаж.

Остановился перед дверью с нужным номером. Рука сама потянулась к кнопке звонка. Внезапное любопытство словно в спину толкало Семена, и только одна мысль заставила его сделать шаг назад: «А что, если двери откроет ее муж?!»

Но дверной звонок уже прозвенел. «Может, там никого нет?» – еще успел с надеждой подумать Семен перед тем, как услышал, как с другой стороны двери щелкает, открываясь, замок.

Он сделал еще один шаг назад.

– Вам кого? – спросила приоткрывшая дверь женщина, рассматривая Семена слегка прищуренным взглядом. Она действительно была блондинкой. Невысокой стройной блондинкой лет тридцати пяти. В джинсах и черном гольфике, подчеркивавшем ее небольшую грудь.

– Вы меня не узнаете? – осторожно спросил Семен.

– Нет, – произнесла хозяйка квартиры номер одиннадцать.

У Семена зачесались пятки – захотелось быстро уйти. Ситуация начинала казаться ему неимоверно глупой, будто было ему пятнадцать лет и в порыве подростковой жажды приключений он пытался навязать себя умудренной опытом женщине в качестве ученика.

– Вас зовут Вера? – спросил Семен, отыгрывая ситуацию «я ошибся адресом» и надеясь, что у блондинки совершенно другое имя.

– Нет, меня зовут Алиса, – произнесла более спокойным тоном блондинка. – Вы, вероятно, ошиблись.

– Да, – Семен глуповато улыбнулся. – Ошибся. Извините!

И, развернувшись, поспешил вниз по ступенькам. Даже не заметив, каким странным, озадаченным взглядом проводила его Алиса из квартиры номер одиннадцать.

Назад Семен шел быстрым, немного нервным шагом. Шел и ругал в мыслях друга Володьку, решившего, по-видимому, подшутить над своим старым товарищем и заставить его познакомиться с этой, в принципе, привлекательной молодой женщиной. «Ну и прохвост! Он, наверно, ее знает! Я ему сегодня позвоню!»

Вернувшись домой, Семен застал Веронику, тихо дремлющую в том самом кресле, в котором несколько раз засыпал и он. Ее покрасневшее личико вызвало у Семена подозрение. Точнее, не просто личико, а то, что она задремала, не сняв, а только расстегнув пальто и сбросив в коридоре сапоги. Обычно она их аккуратно ставила под стенку.

Наклонился к лицу Вероники, думая: «Как бы над ней подшутить?» И тут же учуял запах виски.

«Интересно, – подумал. – Кто это ее вискарем накачал?»

Неожиданное подозрение убрало улыбку с лица Семена. Но тут зазвонил телефон, и Семен бросился к нему, чтобы тот своим звоном не разбудил Веронику.

Звонил Володька.

– Что, опять новости? – с ехидцей спросил Семен, услышав в трубке голос товарища.

– Да, новости, – спокойно ответил тот.

– Ты далеко? – поинтересовался Семен.

– могу через полчаса быть в «МакСнэке».

– Добро!

Семен опустил трубку на аппарат. Жену решил не беспокоить. Пускай поспит, пока он не вернется со встречи с шутником Володькой. А он тем временем придумает, как ее разыграть, раз она в таком виде домой заявила! Ведь от нескольких капель виски даже женщины в кресле не засыпают!

Семен вспомнил, как легко его жена могла выпить пару бокалов мартини и после этого болтать и бодрствовать как ни в чем не бывало. Конечно, мартини – это не виски! Но и Вероника – уже не девочка! Должна бы понимать, что такое разумная мера!

Город Борисполь. Улица 9 Мая

Прошло три дня, и у Димы пропало последнее сомнение в том, что изможденный серый кот, доползший до их порога, это действительно их Мурик. Вале он ничего не рассказал. Ее суеверный бред о двух Муриках как об одном коте больше Диму не пугал. Даже более того – вполне устраивал, потому что не надо было ничего ей объяснять и ни в чем сознаваться. Во всем остальном Валя была здравомыслящей, как прежде.

Сами два Мурика поделили территорию дома, даже не встречаясь нос к носу. Просто первый «вернувшийся» Мурик больше не выходил из кухни, дверь которой теперь всегда была заперта. А настоящий Мурик стал хозяином всех остальных закутков, комнат и коридора. Единственным неудобством в этой ситуации являлась коробка с песком для хождения в туалет, стоявшая теперь под кухонным столом. Вторая коробка находилась на привычном месте, в туалете, справа от унитаза. И то, как быстро направился туда второй вернувшийся Мурик, как только чуть-чуть окреп, лишний раз убедило Диму в его подлинности.

Само собой стало Диме понятно, что серый самозванец, заказанный и купленный им у женщины с птичьего рынка, принадлежит теперь Вале, а значит, интересы настоящего Мурика предстояло защищать ему. Правда, у Мурика никаких особых интересов не было. Кормила обоих котов Валя щедро. Правда, «кухонный» Мурик ластился к хозяйке больше и чаще терся об ее ноги, чем настоящий, «комнатно-коридорный» Мурик. Зато настоящий Мурик переключил свое внимание на хозяина.

– Ну что, Мурло? – спрашивал, поднимаясь с кровати, Дима.

И Мурло-Мурик подбегал к нему, заглядывал в глаза. Но не приторно-просящим взглядом, как это умел делать «кухонный» Мурик, а дружески-требовательным.

Дима знал, что нравится коту. И на четвертый день после его возвращения, когда Мурло-Мурик стал увереннее передвигаться по своей территории, снова поманил кота за собой в гараж, где серый вылизал с тарелки содержимое еще одной ампулы.

Почему-то в голову к Диме закралось подозрение, что это лекарство точно помогает коту вернуть утраченные силы. И кот, словно желая подтвердить эту догадку, выскочил как ужаленный из гаража через узкую створку не полностью закрытых ворот. Дима ринулся за ним на улицу и чуть не упал, поскользнувшись на дорожной наледи. Успел, однако, увидеть, с какой скоростью кот неся к калитке.

Впустив кота в дом, Дима вернулся в гараж. Взял молоток и гвозди и наново заделал дырку в заборе, через которую к ним соседский бультерьер лазил. Закрыв ее двумя досками, вколотив в каждую из них по десятку гвоздей.

Вернувшись в дом, включил телевизор. Местное кабельное телевидение показывало интервью с каким-то спортсменом-велосипедистом, лицо которого показалось Диме знакомым. Присмотревшись, он узнал мужика, упавшего с велосипеда перед воротами его гаража как раз в тот день, когда Боря и Женя чемодан с ампулами принесли.

Дима сосредоточился, сделал звук погромче. И узнал, что некто Василь Леденец, работающий почтальоном, позавчера поставил рекорд скорости во время соревнований велосипедистов-любителей на местном стадионе.

«Еще бы, – подумал, ухмыляясь, Дима. – Если б я был почтальоном и каждый день по десять раз удирал на велосипеде от очередной сволочной собаки, я бы тоже стал чемпионом!»

– Да, мурло? – обратился хозяин дома веселым голосом к коту, лежавшему на ковре у его ног и тоже увлеченному телеэкраном.

Кот бросил на Диму вопросительный взгляд и на всякий случай поднялся и потерял о правую ногу хозяина.

31

Киевская область. Макаровский район. Село Липовка

В вечерней маршрутке Ирине было тепло и уютно. И шофер Вася ей улыбнулся и поинтересовался, где это она пропадала. И еще парочка регулярных спутников головами покивали вместо «добрый вечер». Все было как обычно, и даже сиденье Ирине в маршрутке досталось удобное, над задним левым колесом. Школьные законы физики Ирина давно забыла, а вот то, что сиденье над колесом всегда было теплее, чем другие сиденья, она знала точно. Уже устроившись и дождавшись, когда маршрутка тронется с места, чтобы развозить по домам столичных гастарбайтеров, вытащила Ирина из сумочки конверт с премией, полученный в комнате начальницы, но «не от нее лично», как сама начальница подчеркнула. Надорвала она конверт и пальчики внутрь запустила, чтобы банкноты пощупать. Банкнот было всего две, и не то удивленная, не то разочарованная, она вскрыла конверт полностью и наклонила лицо к вытащенным на свет божий купюрам. Это были две новенькие пятисотки с портретом Григория Сковороды. Выдох облегчения вырвался у Ирины. Тысяча гривен! Теперь она обязательно купит Ясенке теплой одежды, и коляску красивую на весну купит!

Настроение поднялось. Странное утро, пропитанное непонятной угрозой, исчезло вдали, ушло в глубь памяти. Напугали, накричали на нее сегодня, а возвращается она все равно победительницей!

Улыбнулась Ирина. Спрятала конверт с деньгами обратно в сумку. Снова к телу своему прислушалась. Внутренние движения тела интересовали ее сейчас больше, чем какие-нибудь движения души или просто мысли. Вот и тепло от мягкого сиденья уже прошло сквозь ткань и подкладку пальто и сквозь другую одежду. И кожей уже ощущалось это тепло. И от нежности и ненавязчивости этого тепла задремала Ирина. Только ладони по-прежнему сильно сжимали ручку сумки, лежащей на коленях. Но не было в этом ничего необычного. Просто привычка такая защитная выработалась. Дремать, но за свое держаться.

Проснулась Ирина, когда шофер ее окликнул. Он-то знал, где ей выходить. И вышла Ирина, поблагодарив его искренне. Шла к дому по своей улице, мимо соседских заборов и огоньков в окнах. Шла и чувствовала, как наваливается на нее усталость. Уже и дом свой увидела, и калитку. А как калитку на себя потянула, так чуть не поскользнулась на обледеневшей грунтовке, в которой замерла, скрепленная морозом, автомобильная колея.

Мать, открывшая двери, как-то странно улыбалась. Поначалу не обратила Ирина внимания на эту улыбку, а когда, уже разувшись и сняв пальто, на кухню зашла, то поняла, что кто-то у них дома был.

На столе две пустые чашки стояли. И маленький торт открыт и уже наполовину съеденный.

– К тебе мужчина приходил, – сказала мама, присаживаясь за стол, где, вероятно, и сидела с этим гостем совсем недавно.

– Егор? – спросила Ирина.

Мама кивнула.

– Хороший мужчина, – продолжила она через минутку. – С Ясей поиграл, на руках поддерживал без всякого кривляния. Он, оказывается, отсюда недалеко родом. Мама у него парализованная в хате лежит, а он соседке платит, чтобы та доглядела ее и кормила. Я ему и сказала – пускай ту хату продает, а тут рядом с нами покупает – ведь три хаты на нашей улице пустуют. Тогда я буду его маму доглядывать...

Ирина посмотрела на мать с удивлением. Только сейчас заметила она, что мама и одета была аккуратней обычного. Откуда-то свою старую, но самую приличную синюю шерстяную кофту вытащила с брошкой в виде ящерицы. Юбку чистую надела.

«Интересно, – подумала Ирина. – Она сначала переоделась, а потом его в дом впустила, или сначала впустила, а потом переоделась?»

– А как же Яся? – вдруг Ирина свои мысли вслух перебила и на маму вопросительно посмотрела. – Ты за парализованной ухаживать будешь, а кто с Ясей останется, когда я на работе?

– Ну, – мама запнулась вдруг и вместо продолжения мысли махнула рукой. – Это ведь так, разговоры одни! Одну хату продать, другую купить – это ведь не за хлебом в магазин сходить. Так, поговорили мы с ним, да и все. Я про тебя, когда ты девочкой была, рассказывала. Ему все так интересно! Он тебе там подарочек снова привез. Я ему рассказала, как тебя утром из дому увезли, так он аж кулаки сжал! Чуть по столу ими не грымнул! Так рассердился. А потом отошел. Сказал, что завтра к десяти утра заедет.

– К десяти? – повторила шепотом Ирина. – К десяти я уже в Киеве буду...

– А может, подождешь его? Он такой видный хлопец...

Ирина отрицательно мотнула головой. Дотронулась ладонью до своей вновь наполнившейся молоком груди и пошла в спальню, откуда доносилось младенческое воркование Яси.

Ночью Ирина лежала на спине с открытыми глазами. Думала о Егоре, о маме, которой Егор так внезапно понравился. О мариинском парке и об этой бесконечной зиме. Хотя почему бесконечной? Еще месяц-полтора, и наступит оттепель, а за ней сразу и весна. И тогда можно будет и пальто, и пуховый платок пересыпать порошком против моли и в шкаф положить. А синий водонепроницаемый плащ надо будет наоборот – из шкафа вытащить и еще на морозе с недельку проветривать. Вообще, всю одежду надо проветривать, чтобы свежесть хлопка и шерсти самому телу передавалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.